

НАТАША КЛИМОВА И НАТАША СТОЛЯРОВА

Содержание

1. Две Наташи.	1
1.1. Первый брак Сергея Семеновича.....	2
1.2. Второй брак Сергея Семеновича.....	3
2. Наташа Климова.	5
2.1. Начало.....	5
2.2. Медведь	8
2.3. Аптекарский Остров	11
2.4. Эссе о терроризме.....	13
2.5. Тюрьма	14
2.6. Побег из России.....	18
2.7. Замужество	20
2.8. Революция	20
3. Наташа и Катя Столяровы	22
3.1. Детство Наташи и Кати.	22
3.2. Шиловские.....	23
3.3. Катя.	25
3.4. Возвращение в Россию.	26
3.5. Советская тюрьма.	29
3.6. Рассказы Наталии Ивановны.....	30
3.6.1. Обвинения	30
3.6.2. Баня	31
3.6.3. Психованная.....	31
3.6.4. Уважение к любви	32
3.6.5. О Грише	32
3.7. Освобождение из тюрьмы.....	33
4. Эренбург, Солженицын и другие.....	33
4.1. Работа у Эренбурга.....	33
4.2. А.И. Солженицын и Н.И. Столярова	44
4.3. О Поплавском	52
4.4. Книга о Шиловском	56
4.5. Поездки за границу	61
4.6. Последующие годы	64
5. Мод и Гриша	70
6. Источники.	75

1. ДВЕ НАТАШИ.

Наталья Ивановна Столярова была одной из самых интересных людей из наших родных и знакомых. Ее мать, Наталья Сергеевна Климова, которую родные называли «Натуля» и которую мы не знали, поскольку она умерла до нашего рождения, была не только интересным, но и знаменитым человеком.

Я много о ней слышал от Наташиной мамы Нины Сергеевны, а сейчас мне захотелось записать для детей все, что о них двоих знаю, и что читал в книгах.

Дело это оказалось довольно трудным, поскольку сведения у меня отрывочные, Наталья Ивановна рассказывала нам мало, расспрашивать ее было неудобно, поскольку она сама была членом Союза писателей, писала воспоминания, но ее бумаги не сохранились.

1.1. Первый брак Сергея Семеновича.

У меня есть генеалогическое дерево Климовых.

Наташин дед, Сергей Семенович Климов, дворянин, адвокат, действительный статский советник, в конце жизни он был членом Государственного Совета. У него от первой жены Любы, Выропаевой, было четверо детей, двое из них умерли в детстве, а двое были Наталья Сергеевна, которую в семье звали Натуля, и Михаил Сергеевич.

Сергей Семенович
Климов, адвокат,
Депутат Государственно-
Совета

Любовь Никифоровна
Климова, врач
первая жена Климова
два ребенка

Ольга Никифоровна
Климова, учительница,
вторая жена Климова (тётя)
четыре ребенка

Натуля

Миша

Наташа Столярова

Катя Столярова-Анзи

У Натальи Сергеевны (1885-1918) было три дочери, одна из которых, тоже Наташа (1912-1984), – вторая, Катя, жива, живет в Швейцарии, третья умерла в раннем детстве.

У них была двоюродная сестра от Миши.

1.2. Второй брак Сергея Семеновича

Когда Люба умерла, Сергей женился на ее младшей сестре Ольге.

Ольга очень любила мужа своей сестры и замуж ни за кого другого не выходила. От нее у него было также четверо детей, старшая из которых, Нина Сергеевна, была матерью Наташи, моей жены. Другие дети – Анна, Всеволод и Татьяна.

Нина

Анна

Всеволод

Татьяна

Наташа Столярова чаще всего приходила в гости к Татьяне, самой близкой к ней по возрасту. С ней она обсуждала свои успехи и неудачи.

Нина Сергеевна консультировала Наташу Столярову по части родственников, а также дома в Рязани и хутора, на которых проходило их детство. Она прожила дольше всех.

Пая

Олег

Пять двоюродных сестры и два брата было у Наташи Столяровой:

Пая, дочь Нины Сергеевны, была близка с Наташей, которая знакомила ее со своими друзьями, много ей рассказывала, бывала на днях рождения.

Сын Всеволода Олег помогал Наташе чинить машину.

Наташа

Лида

Нина

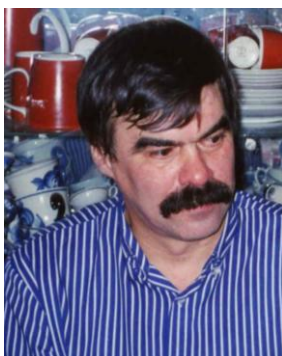
Наташа, моя жена, виделась с Наташей Столяровой на днях рождения у Паи, она приходила к нам поговорить с Ниной Сергеевной о детских впечатлениях.

Были и мы пару раз у нее в гостях.

Лида и Нина, дочери Татьяны Сергеевны часто присутствовали при посещениях ее Натальей Ивановной, были в курсе всех ее дел.

Вера

Шурик

Племянница Вера (дочь Олега) какое-то время жила в квартире Наташи.

Племянник Шурик (сын Лиды) у Наташи неоднократно был в гостях, встречался в театрах.

2. НАТАША КЛИМОВА.

2.1. Начало

Натуля

Итак, Натуля Климова росла в интеллигентной семье, в обществе были сильные настроения, что народ угнетают, и Натуля тоже стремилась жить своим трудом. Нина Сергеевна рассказывала, что Натуля пыталась мыть свою посуду сама, а ее мать говорила, что, если она хочет облегчить труд кухарки, пусть помоем всю посуду, а не только свою.

В соответствии с мировоззрением того времени, она считала, что у высших классов должно быть чувство вины перед народом, что нужно бороться за его освобождение.

Юность Наташи по книге Мод Мабиллярд.

Натуля

В Рязани распространялась запрещенная литература, в которой говорилось о нищете, самодержавии, несправедливости, мракобесии, которые господствовали в России. Наташа, как и вся молодежь, ее читала.

1901 год был отмечен двумя известными датами в России: сорок лет после отмены крепостного права (1861г.) и двадцать лет после покушения, которое привело к смерти царя Александра II (1881г.).

В феврале Петр Карпович добился аудиенции с министром образования Водолеповым и, приблизившись к нему, убил его выстрелом из револьвера. Поступок Петра Карповича поразил умы, вызвал восхищение среди молодежи.

Николай Гусев, прочтя Толстовскую «Исповедь» и «Что такое моя вера», стал убежденным толстовцем. Наташа под влиянием Николая Гусева начала распространять запрещенные произведения Толстого среди подруг по гимназии. Они были потрясены, прочитав «Что надо делать».

Что же делать? Для Толстого, два закона позволяют общество освободить от замкнутого круга эксплуатации. Первый закон говорит, что каждый должен

зарабатывать свой хлеб в поте лица. Для этого аристократия должна перестать лениться, в то время, как народ умирает от непосильного труда.

Однако довольно трудно обвинить Климовых в праздности. Сергей Семенович работал ежедневно по 10 часов в суде, а потом дома, в своем кабинете. Ольга Никифоровна преподавала и была членом многочисленных общественных организаций. Сестра Сергея Семеновича Мария Орлова (тетя Маша, любимая Наташей) была медицинским работником в Мариинской гимназии, преподавала физиологию и гигиену в другом учебном заведении и владела вместе с мужем очень важной для Рязани типографией.

Второй закон «На зло отвечайте добром. Не сопротивляйтесь злу, простите всех». Эту заповедь Толстой отправил Александру III, прося его простить террористов, убивших его отца. Александр III не соблаговолил ему ответить и приказал казнить всех. Натуля сделалась последователем Толстого.

В 1903 году, окончив гимназию, Натуля записалась на курсы Ловинской-Скалон по естественным наукам. Возможно, этот выбор был сделан под влиянием мачехи. Ольга Никифоровна изучала именно эти курсы.

Но учеба на курсах Ловинской-Скалон была заброшена. Натуля взяла еще курс массажа у мадам Венгеровой, поскольку Наташа испытывала желание иметь профессию, которая позволила бы ей зарабатывать и также иметь возможность помогать друзьям.

Несколько событий произошло в России. В феврале 1904 года Россия вступила в катастрофическую войну с Японией. «Война быстрая и легкая», уверяли российские генералы, говоря, что один вид русской армии уничтожит японцев. Но Россия потерпела в этой войне поражение.

15 июля 1904 года Егор Сазонов, член боевой организации социалистов-революционеров, убил бомбой министра Внутренних дел – Плеве.

В Рязани подпольное политическое объединение организовали несколько заметных либералов. Во время зимы 1904 -1905 годов купец Селиванов дал банкет, который собрал всю местную интеллигенцию

В Санкт-Петербурге 9 января 1905 года огромная толпа рабочих, женщин и детей во главе с священником прошла по улицам столицы в направлении царского дворца, неся знамена, иконы, портреты царя и его семьи. Массы людей, спокойных, решительных двинулись с петицией к своему царю. Внезапно появились солдаты царской охраны на лошадях и начали стрелять в безоружную толпу. Бойня «кровавого воскресенья», совершенная против безоружной толпы, вызвала волну гнева по всей стране.

4 февраля 1905 года в Москве Каляев, член Боевой организации социалистов – революционеров убил бомбой великого князя Сергея, дядю

царя. Это вызвало радость народа, великого князя не любили. Террорист был повешен.

17 октября царь, согласился, наконец, подписать манифест, написанный Витте, в котором тот предлагает предоставить гражданские свободы, так долго ожидаемые: свободу слова, прессы и объединений, амнистию для политических заключенных и созыв думы. Умеренные демократы ликуют. Сергей Климов вступает в партию «октябристов», рожденную манифестом Николая II.

В Москве Наташа встречает своих старых товарищей: Николая Гусева и Василия Виноградова. По сведениям полиции Петербурга Наташа Климова с весны 1906 года делит квартиру со студенткой педагогических курсов, Надеждой Терентьевой.

К двум подругам часто приходила Людмила Емельянова, молодая девушка из Рязани, у которой две сестры также принимали участие в революционном движении. Молодые девушки также контактировали с Василием Виноградовом и Владимиром Мазориным. Весь этот маленький кружок принадлежал к партии социалистов – революционеров, исключая Наташу, которая единственная не входила не в какую партию, т.е. пока не доставляла никаких неприятностей для полиции.

Людмила Емельянова была арестована в 1905 году, в Туле, за «революционную пропаганду». Ее сестра Ольга и их подруга Евгения Сороко (тоже из Рязани) были арестованы вместе с Мазуриным в Москве, в марте 1905 года за организацию подпольной типографии.

Все арестованные были освобождены по манифесту 17 октября.

В своей борьбе против самодержавия они образовали группу близких, в основном гимназических друзей. Они называли себя сами «теплой компанией» или «рязанской группой».

В начале 1906 года у Сергея Климова обнаружили туберкулез и уже в прогрессирующей стадии. Врачи посоветовали ему купание в море. Он решил поехать путешествовать. Наташа отправилась в Ниццу, и на итальянскую Ривьеру со своей мачехой и отцом, для того чтобы принимать воды.

Они встретились там с представителями высшего русского общества, живущих в великолепных виллах и отелях.

Купание в море не принесло уже улучшения для Сергея Климова. Он решил вернуться в Россию, где он решил попробовать попить кумыс, который делали в центральной Азии. Ничего не помогло, туберкулез. Вернулись в Рязань

В начале мая 1906 г. Наташа вступила в организацию социалистов-революционеров-максималистов.

2.2. Медведь

Следующие сведения из книги Алданова «Самоубийство». Книга про других, в частности про Ленина, Сталина, Камо, но там есть три эпизода, связанные с ней. Также используется книга Мод Мабиллярд.

Был такой эсер - максималист Михаил Соколов, по прозвищу Медведь. Эсеры - максималисты считали, что социал-демократы (большевики и меньшевики) и эсеры слишком вяло борются с царизмом, больше разговаривают, максималисты были за террор.

Нужны деньги. Их можно добыть экспроприацией банков для революции.

Михаил Соколов был не из Рязани, и не из «Рязанской группы». Он вообще был не из их среды.

Михаил Соколов (Медведь)

Михаил Соколов родился в очень бедной многодетной крестьянской семье, не имеющей земли. Поскольку мальчик был толковый, это заметил богатый либеральный купец и на свои деньги устроил его в агротехнический институт в г. Николаевске, маленьком городке в Саратовской губернии.

Там было множество агитаторов, которые работали среди крестьян.

Михаил Соколов тоже стал заниматься распространением нелегальной литературы, а также писал памфлеты на существующую власть. Скоро он почувствовал, что его должны арестовать, сбежал и оказался в Женеве.

В Женеве в то время находилось очень много русских революционеров. Там он жил под именем Людвиг Кахн (или Кахин, которое его друзья переделали на русский лад – Каин), немец-горожанин. Он изучает естественные науки, астрономию, геологию, а также фундаментальные науки. Он очень беден, ест редко, хотя имеет крестьянский аппетит. Его одежда довольно разношерстна, мало похожа на обычный костюм, узкие короткие брюки неопределенного цвета, и длинная куртка, потрепанная на его широких

плечах. Он также хочет бороться за лучшую жизнь, ближе всего ему социалисты – революционеры.

Он проповедовал «земельный террор» во всех формах, включая грабежи, поджоги и убийства больших государственных чиновников для «дестабилизации» власти и высших классов. Он считал, что врагов надо убивать.

Руководство партии, было более осторожное. Они не доверяли этим горячим головам, этой молодежи, слишком нетерпеливой и пылкой. Тем не менее, они послали Соколова в Россию для продолжения работы по пропаганде. Он обещал оставаться верным линии партии.

Во время отъезда Соколова таинственная телеграмма была получена русской полицией, что Соколов, под именем Людвиг Кахн пытается перейти границу. Полиции, однако, не удалось его перехватить.

В ноябре 1904 года, забыв директивы руководства партии, он публикует прокламации к крестьянам, в которых говорилось: «Бейте пособников царизма – помещиков и капиталистов. Бейте всех и требуйте: Землю и Свободу».

В 1905 году, узнав, что провокаторы донесли на него, он вернулся в Женеву, чтобы разоблачить предателей, но ничего не выяснив, снова переходит границу, и 3 апреля на собрании подпольной революционной организации в Курске он был арестован.

«Каин» был освобожден благодаря октябрьской амнистии 1905 года. Он прибыл в Москву в начале зимы.

Перед декабрем, в самые сильные холода, в Москве началась революция.

Армия вызвала подкрепление

На Пресне Михаил Соколов встал во главе восстания. Он организовал, несколько сотен рабочих, достал оружие. Их штаб был на фабрике Праковского. Коммунары сбивали телеграфные столбы и фонари, ломали их на куски, чтобы сделать баррикады, бросая туда обломки заборов, отрывали у домов двери и бросали их туда же, бросали дрова, куски железа. Пресня оказалась изолированной от остальной Москвы. Проходы были загромождены, коммуникации отрезаны, улицы погружены во мрак.

Очень быстро в Москве, повсюду, вспыхнули пожары: пожары начались на баррикадах, затем загорелись ближайшие дома. Было уничтожено множество зданий, например, типография Сытина. Но борьба была неравной.

Только Пресня упорно сопротивлялась. Держались дня два, три. Но потом поняли, что больше делать нечего. Руководители – «Медведь», Владимир Мазорин и Надежда Терентьева растворились на улицах Москвы.

В феврале 1906 года Соколов в ореоле героя Пресни, решил войти в Боевую организацию, террористическое крыло социалистов – революционеров. Однако уже через десять дней он заявил, что покидает партию; он считает, что методы социалистов – революционеров – слишком медленная работа по приближению революции. Убийство только высокопоставленных функционеров, принцип не торопить события – его не устраивали. К тому же он считал, что у социалистов-революционеров есть провокаторы.

7 марта 1906 года. На общество взаимного кредитования, расположенное в центре города, было совершено нападение, посреди дня, группой очень решительных молодых людей, вооруженных до зубов. Они угрожали взорвать здание в случае сопротивления, и удалились без единой жертвы и с той и с другой стороны, унося добычу в 800 тысяч рублей. Операция не заняла и пятнадцати минут.

Это не было обычное ограбление, это была «экспроприация», «публичная конфискация для революционных целей», «политическое ограбление». Это громкое событие способствовало укреплению альянса, возникшего на баррикадах. Оппозиция, которая причисляла себя к категории молодых безденежных, тогда как социалисты – революционеры пользовались деньгами богатых московских купцов, наконец, смогла финансировать свои действия. Эта оппозиция взяла себе имя – партия социалистов – революционеров – максималистов и записала своими целями – немедленную национализацию земли и заводов, и для достижения этой цели использовать все средства покушения и экспроприации. Классические социалисты – революционеры согласились с наличием партии экспроприаторов, хотя и не одобряли их методы. Разрыв свершился.

Мазорин остался в Москве. Соколов встал во главе отделения в Санкт-Петербурге. Третий максималист Соломон Рисс стал организовывать борьбу на юге, в Киеве. Они хотели наносить удары повсюду в России.

Соколов-Медведь был высоким, очень сильным и очень красивым мужчиной, обладавшим к тому же, повидимому, гипнотическими способностями.

В его организации была совсем молоденькая и очень красивая Наталья Климова, которая в него была без памяти влюблена.

2.3. Аптекарский Остров

Летом 1906 г. недавно назначенный председатель Совета Министров Петр Столыпин проживал в Петербурге на даче на Аптекарском Острове. Его семья жила на первом этаже, а на втором этаже у него был кабинет, где он принимал посетителей. Во время приема, в ландо приехали три человека. Из них двое были одеты в форму ротмистров жандармского корпуса, третий был в штатском. В руках каждого из них были большие портфели.

В приемной находились агент охранного отделения и состоящий при Столыпине генерал. Вошедшие сразу показались подозрительными опытному агенту по следующим причинам: все трое были смертельно бледны, каски у обоих ротмистров были старого образца. Между тем каски жандармов недели за две до того были изменены. Они держали большие портфели, что не допускалось при представлении высоким должностным особам. Чувя недоброе, агент поспешно направился к вошедшим, и вдруг с ужасом заметил, что у одного из них накладная борода. Неладное! отчаянным голосом закричал он генералу и оба кинулись к вошедшим. В эту минуту все трое подняли вверх портфели и с криком «Да здравствует свобода, да здравствует анархия!» бросили их на пол.

Раздался оглушительный взрыв. Когда дым рассеялся, представилась ужасная картина: от дачи осталось немного, убито 30 человек, ранено больше двадцати, погибли все, находящиеся в передней, в том числе трое террористов. Столыпин чудом остался жив и невредим, его жена тоже, но дочь была серьезно ранена, ее выбросило с балкона на втором этаже под копыта лошадей, врачи говорили, что ноги у девочки придется отнять, но Столыпин попросил подождать. Лишь через два года ей сделали операцию, и она стала ходить.

Пострадал также маленький сын Столыпина, но не так сильно.

Дача Столыпина на Аптекарском острове

Дача Столыпина после взрыва

Дознание было произведено быстро и выявило следующее:

Ландо было нанято жильцами квартиры, снятой за несколько дней до того, мещанином Даниилом Морозовым и его женой Еленой Морозовой. С ними поселился также Петр Миронов и горничная Анна Манакина. «Барыне» Морозовой на вид было 19-20 лет. Она была, как сказала соседка, красива и элегантна.

Дом на Морской ул. 49. В кв. 4, откуда унесли бомбы, взорвавшие дачу Столыпина

Выяснили также, что жандармские мундиры были приобретены в магазине готового платья мужчиной атлетического сложения, приметы которого не совпадали с приметами погибших, и молодой дамой.

Революционерами не было намечено убить семью и посетителей Столыпина. Ранение детей больше всего потрясло участников акции. Это Наталия Столярова вычитала в «Былом» и в каких-то семейных документах, и сказала ей об этом Надежда Терентьева, вторая женщина, принимающая участие в покушении, которую Наталия видела в 1935 г.

Через некоторое время Натуля была арестована и ждала приговора, который должен был быть смертной казнью на виселице, Соколов также был арестован, и повешен по приговору военно-полевого суда.

2.4. Эссе о терроризме

Как же интеллигентная, чистая молодая девушка оказалась участницей такого страшного теракта? Это было вполне в духе того времени, царское правительство даже за мирную пропаганду отправляло людей на каторгу, а за революционную деятельность военно-полевые суды приговаривали к смертной казни, но это только подогревало террор. Вообще вопрос о терроре очень сложен. Я думаю, что, как минимум, всю первую половину этого века человечество будет искать способы искоренения терроризма. Пока ничего существенного не придумано.

А в конце позапрошлого века и начале прошлого века индивидуальный террор считался у народовольцев, а потом у эсеров единственно возможным методом борьбы. Народовольцы убили царя, считая, что это вызовет восстание. Они ошиблись, убийство царя восстания не вызвало. Эсеры убивали чиновников, каждый чиновник знал, что его могут убить. Существовал кодекс чести террориста, предусматривающий покушение только на тех, кто виноват, и чтобы не пострадали невинные. Например, Каляев в первый раз не бросил бомбу в брата царя Сергея Александровича, Московского генерал-губернатора, поскольку с ним в коляске были жена и дети, а совершил покушение в другой раз, когда Сергея Александрович ехал один. Однако, бывали ошибки, когда погибали не те, которых собирались убить (они называли это «казнить»). А иногда погибали окружающие, как в этом сложном случае. Массовый террор, например, взрыв в людном месте, когда могли погибнуть случайные люди, не считался допустимым. Было убито очень много чиновников, но это также не вызвало революции.

Отчего же погиб царский режим? Терроризм сыграл свою роль, уменьшив авторитет царя и его окружения. Но к началу первой мировой войны авторитет царя был очень высок. А основные ошибки были сделаны царем позже, его жена не давала устранить Распутина, считая, что только он сохраняет жизнь царевичу Алексею. Распутин назначал министров, верховного главнокомандующего, на фронте дела были не блестящими, против царя постепенно оказались настроены все слои общества.

И произошла Февральская революция.

Большевики считали индивидуальный и массовый террор неэффективным, а правильным считали вооруженное восстание. Как мы знаем, после него начался государственный террор, расстреливали за происхождение, священников, кулаков, членов других партий, потом коммунистов, просто по подозрению.

Государственный террор по количеству жертв несравненно страшнее индивидуального и даже массового.

2.5. Тюрьма

Из воспоминаний Нины Сергеевны.

Итак, Наташа (Натуля) Климова оказалась в тюрьме. Ожидая виселицы в

одиночной камере, она написала письмо, что не боится смерти. Это письмо, опубликованное Семеном Франком, сопровождается статьей о том, почему же получается, что идут на смерть лучшие и талантливые из молодежи. Это письмо стало широко известно, вызвало большой резонанс в обществе, обошло весь мир.

Родители написали письмо, просили заменить смертную казнь более легким наказанием. Столыпин ответил, что, поскольку пострадала его дочь, он ничего делать не будет.

Натуля в тюрьме

Это было время очень жестких приговоров по его инициативе, повесили многих, даже появился термин «Столыпинские галстуки». Отец написал очередную просьбу о помиловании. Письмо было направлено председателю Окружного суда, генералу, который должен был утвердить приговор. Прошение было очень странное: «В своей жизни она была хорошая, мягкая, добрая девушка, но всегда увлекающаяся...Смею Вас уверить, что дочь моя в политике ровно ничего не понимает, она, очевидно, была марионеткой в руках

более сильных людей, для которых политика господина Столыпина, может быть, и представляется в высшей степени вредной...Корректные взгляды я старался внушить своим детям, но в такое хаотичное время родительское влияние не имеет никакого значения. Наша молодежь всем окружающим причиняет величайшие несчастья и страдания, и в том числе родителям».

Отослав письмо, отец умер. Волнение добавилось к чахотке. Это письмо спасло Натую и ее подругу Терентьеву. Вернее не само письмо, а внезапная смерть Климова. Генерал в этой ситуации не решился принять решение о казни, и Натале заменили виселицу на вечную каторгу (такие тогда были генералы). На приговоре резолюция: «Приговор суда утверждаю, но с заменой обоим подсудимым смертной казни ссылкой в каторжные работы без срока». После этого ее перевели из одиночной камеры Петропавловской крепости в Пересыльную тюрьму, а оттуда в общую камеру Новинской тюрьмы в Москве, в которой вместе с ней были в основном политические, но было и две крестьянки. В камере Натюля была старостой, это была обычная практика, когда приговоренные к пожизненному заключению назначались старостами камеры.

Однажды к ним обратилась надзирательница, молодая девчонка, Шура Тарасова, и сказала: «Вы барышни образованные, помогите мне. Меня бросил мой парень, я хочу умереть, помогите достать яду».

Наташа ответила ей, что поможет, но, раз она хочет все равно умереть, пусть сначала поможет им, отнесет записку на волю.

Так началась переписка с оставшимися на воле. Надзирательница уже расхотела травиться, товарищи на воле стали готовить побег. Начали готовиться и арестованные.

«Штаб» побега состоял из 5 человек: Наташа Климова, Шура Карташова, Вильгельмина Гельмс, Нина Морозова и Лиля Матье.

Надлежало изобрести способ разговора, в котором нельзя было заподозрить конспирации. Воспользовались тем, что в камере занимались математикой, физикой, химией и астрономией. Учебники пропускали легко, особенно по точным наукам. И оправдывая славу, которая о них пошла, «заучилась политика», перевели весь словарь на научные термины: побег-окисление или извлечение, тюрьма - лейденская банка, бегущие- корни квадратные, Тарасова- кальций, надзиратели- аноды, связывать- довести до состояния покоя и т.д.

Во-вторых, нужно научиться связывать постовых надзирательниц. Причем за короткое время. Учились на «своих», нападали неожиданно, были случаи травм. Связывать они научились действительно хорошо.

Тут привели Маню. Долго не могли понять, в чем дело. Она оказалась не мальчиком и не девочкой, а гермафродитом, она (или он?) не была провокатором, но половое уродство сказалось на всей психике, она была истерическая, извращенная и аморальная.

Люди с воли приготовили для каждой одежду и места, где можно было скрываться. Были сделаны ключи от дверей. Нужно было выйти из тюрьмы.

Определили, кто должен был бежать. Бежать должны были 13 заключенных и надзирательница Шура Тарасова.

Вот список: Шура Карташова, Анна Морозова, Зина Клапина, Зоя Иванова, Вильгельмина Герхардовна Гельмс, Натуля Климова, Анна Павловна Гервасий, Лиля Матье, Фаничка Иткинд, Ханна Корсунская, Маруся Шишкарева, Маня Никифорова, Екатерина Никитина.

А.В. Тарасова

Отказались четыре человека: Овечкина, старая и больная женщина, рассчитывающая на быстрое поселение, Настя Светова, кончавшая срок, Ханна Дзюм, плохо говорившая по-русски и Вера Королева, страдавшая тяжелой болезнью сердца.

Вот те участники побега, фотографии которых я нашел.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПРЕСТУПНИЦА

АННА ПАВЛОВНА
МОРОЗОВА

дочь надворного советника,
осуждена Особым присутствием
правительственного
Сената 1 декабря 1907 года
в каторжные работы на
5 лет.

ПРИМЕТЫ

Лет — 22.
Телосложение — плотное.
Волосы — блондинка.
Глаза — голубые.
Лицо — бледно-розовое, тип
русский.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ
ПРЕСТУПНИЦА

ЕКАТЕРИНА ДМИТРИЕВНА
НИКИТИНА

(она же Акифьева),
осуждена Московской судебной
палатой 25 сентября — 17 октября 1907 года
в каторжные работы на
6 лет.

ПРИМЕТЫ

Лет — 25.
Рост — 2 арш. 1 $\frac{1}{2}$ верш.
Волосы — темно-русые.
Глаза — светло-голубые.
Лицо — чистое, тип русский.
Особые приметы: на левом
виске родинка, велч. с гор-
рошину, близорука, носит
очки.

Побег был организован так: надзирательница сказала, что выходит замуж, и угостила тех, кто дежурил с ней, вином и чаем, сумела подсыпать охране снотворного в вино и чай, охрана заснула, она открыла камеру и повела 13 женщин к выходу из тюрьмы. Одна из надзирательниц, которая помогала им, сказала, что не может бежать с ними, поэтому просит ее связать, чтобы тюремное начальство не наказало ее за помощь при побеге. Когда беглецы проходили мимо вахты, где спал охранник, вдруг зазвонил телефон. Наташа сняла трубку.

- Кто это говорит? Услышала она.
- Охранница такая-то, сказала она измененным голосом.
- Говорит княгиня Вадбольская, начальница тюрьмы. Я на балу. Появились сведения о том, что готовится побег то ли из мужской тюрьмы, то ли из нашей женской, я думаю, что из мужской. У вас все спокойно?
- У нас происшествий нет, ответила Наташа.
- Ну, тогда я не буду приезжать, сказала начальница.

Идут дальше. У наружной двери спит охранник, ключи у него привязаны к поясу. Охранница их отвязывает, он что-то бормочет, но не проснулся. Начали открывать ворота, не могут открыть. Шум, охранник спит. Наконец, ворота открылись, они вместе с охранницей выбежали, за углом их ждут пролетки и их везут в подготовленные безопасные места. Это был знаменитый «Побег 13-и», вполне киногоеничный сюжет, много раз после революции порывались снять про это фильм, но не разрешили, поскольку из 13-и бежавших не было не одной большевички.

Об этом побеге есть у нас три книжки. Одна – Осоргин, вторая - Побег, третья - издания 1984 г., советских авторов, так и называется «Тринадцать». Разногласия в том, что охранница в одной из них просто восхитилась Наташей и другими культурными женщинами, так непохожими на людей ее круга, и

поэтому решила им помочь бежать, а в другой – что она была большевичка, специально устроилась тюремщицей, чтобы организовать побег. Я думаю, что сделать ее большевичкой, а также сделать большевичками нескольких заключенных, автором понадобилось, чтобы книжку разрешили издать. В обеих книжках сказано, что полиция знала о готовившемся побеге, но не предотвратила его из-за конкуренции между полицией и жандармами. Во второй книжке это описано совсем живописно: полицейский начальник знал о побеге от своего осведомителя среди революционеров, но не хотел предотвращать побег, хотел поймать с поличным во время побега, чтобы получить повышение по службе. Революционеры через своего осведомителя в полиции узнали, кто их выдает. Под угрозой расправы приказали ему сказать полиции, когда будет побег, и что накануне будет что-то вроде репетиции. Чтобы не спугнуть, нужно убрать слежку за тюрьмой на один день, что и было сделано. Как раз, когда убрали слежку, побег и состоялся.

Как пишет Шаламов, Герман Лопатин, знаменитый революционер, понимающий толк в побегах, назвал бежавших каторжанок амазонками. Там были очень разные люди, и чтобы превратить их в боевую часть, скрепленную дисциплиной подполья, которая выше воинской, нужен организатор, которым была Наташа Климова.

С.С.Коридзе

Из бежавших 10 человек и надзирательница Тарасова попали за границу. Трое - Иванова, Шишкарева и Карташова - была арестованы в первые два дня. Их освободила февральская революция, но Маруся Шишкарева не дожидая до этого, умерла в 1915 г. Арестованы также и судились с ними помощники с воли С. С. Коридзе, Василий и Владимир Калашниковы.

Это был тот самый побег, для которого в семье Маяковских шили одежду бежавшим, а сам Маяковский сидел по этому делу в тюрьме и допрашивался полицией.

В музее Маяковского на Мясницкой есть витрина, посвященная этому периоду его жизни.

2.6. Побег из России

Спрятали их в разных местах. Скандал был страшный. Искали по всему городу, троих нашли и вернули в тюрьму. Одна из девушек пряталась в сарае в большой плетеной корзине для белья. Сарай обыскивали несколько солдат с прапорщиком во главе. Прапорщик открыл корзину. Там он увидел испуганные

голубые глаза молоденькой девчушки (Лилля Матье). «Тут никого нет, сказал он солдатам, пошли отсюда!». Наташу не нашли. Ее прятали на даче у инженера, сочувствующего революции, там не искали. В Рязанском доме родителей был обыск, ничего не нашли, смотрели приходно-расходную книгу, хотели понять, давали ли родители деньги на побег. Не обнаружили. На самом деле деньги давали, но не нашли, т.к. перед этим, чтобы получить деньги, продали принадлежащий им лес, деньги отдали, но в расходную книгу не записали.

Когда искать перестали, Наташу одели в черное, женщиной в глубоком трауре, и посадили в поезд. Когда она доехала до Волги, она пересела на пароход, там была геологическая экспедиция, которая направлялась в Монголию. С начальником экспедиции было договоренность. Наташа переделалась геологиней, геологи пересели в поезд, и без приключений добралась до Монголии. Оттуда, уже без геологов, она добралась до Китая, оттуда попала в Японию, села на пароход и доехала до Италии. Там, недалеко от Генуи, она нашла сельский дом, где жили русские революционерки, за что он назывался «Вилла амазонок», и там остановилась.

В большинстве случаев после такого стресса люди отходили от революции. Но Натуля была согласна поехать в составе группы во главе с Савинковым в Россию, где произвести очередной теракт. Группу собирали очень долго, несколько месяцев, в это время жили на каком-то острове во Франции, чтобы не пронюхали агенты царской охранки. Но потом удалось обнаружить, что один из группы был провокатором, зря прятались, царская полиция все знала. Потом обнаружили другого провокатора, в конце концов, поездка не состоялась и Натуля вернулась на виллу амазонок.

Шура Тарасова уехала на Кавказ и в Батуми встретила с Ниной Морозовой, Зиной Клапиной, Лилей Матье и Анной Гервасий. Они собирались уехать на пароходе в Марсель или Женеву.

Остальные девушки Зоя Иванова, Вильгельмина Гельмс, Фаничка Иткинд, Корсунская Галя, Никифорова Маня и Никитина Екатерина тоже оказались за границей.

Натуля сохранила дружбу с Вильгельминой Гельмс, Лилей Матье и надзирательницей Тарасовой. Когда Гельмс умерла в 1913 году, Натуля очень переживала. Шура Тарасова и Лилля Матье вышли замуж за братьев Владимира и Бориса Фабрикантов, бывших эсеров.

В революцию все кроме Наташи Климовой и Лилей Матье приехали в Россию. Политикой они не занимались. Никитина стала писателем.

В этом побеге участвовала также Мария Никифорова, будущая атаманша Маруська времен махновщины и гражданской войны. Маруська превратилась давно в кинематографический образ бандитки-красавицы

За границей, куда она попала после побега, она ориентировалась на анархистов, жила странно, то в мужском, то в женском платье, имела соответствующие романы. В 1917 г. она вернулась в Россию. Оказалась среди зеленых, и с поездом ездила (под именем Маруси Никифоровой) по Черниговской и Харьковской губерниям, жгла, грабила и бесчинствовала. В 19 или в начале 20 года она была арестована белыми и повешена.

О побеге много написано. Киносценарий Оттена (ни одной детали придумывать не пришлось, настолько все было «киногенично») был запрещен по той причине, что из 13 бежавших не было ни одной большевички.

2.7. Замужество

Где-то в Сибири в ссылке был эсер Иван Столяров, земляк Михаила Соколова (Медведя). Однажды он получил партийное задание бежать из ссылки, (Читинской каторги) добраться до Италии, найти вышеупомянутую виллу и там передать Наташе Климовой какие-то бумаги.

- «Смотри, не влюбись, она красивая», сказал ему партийный руководитель.
- Ну, вот еще, я революционер, эти глупости меня не интересуют, ответил Иван.

Через какое-то время он добрался до Италии, сел в поезд, доехал до виллы, нажал кнопку звонка. Дверь открыла девушка (бывшая надзирательница Тарасова). Обыкновенная девушка, ничего особенного, подумал он. Но это была не Наташа.

Вышла Наташа. Он, как было поручено, поговорил с Наташей, передал ей то, что было послано, сел в поезд и уехал.

Потом вышел из поезда, сел в обратный, вернулся на виллу и женился на Наташе.

2.8. Революция

Революцию семья Наташи Климовой и Ивана Столярова застала во Франции. У них уже были две дочери, родившиеся в Италии. Наташа была беременной в третий раз.

Иван Столяров

Натуля с Наташей и Катей

Поехать в Россию было очень трудно, шла война. Решили так: поедет один Иван, выяснит обстановку, Наташа с детьми останется во Франции, потом Иван приедет и их перевезет в Россию. Этого не случилось.

В 1918 году Наташа родила, эта младшая дочь заболела и умерла.

В это время Наташа познакомилась с Константином Шиловским. Он был родом из Рязани, его дом находился совсем рядом с домом Климовых он был тоже революционером (меньшевиком), на несколько лет старше Наташи, но они были не знакомы. Потом Шиловский уехал за границу учиться.

Наташа произвела большое впечатление на Шиловского, как своей биографией, покушением на Столыпина, побегом из тюрьмы, путешествием через Китай в Европу, так и своей философией, он любил проводить вечер вдвоем, когда девочки уже заснули.

Потом заболели гриппом старшие девочки. Этот грипп назывался «испанка». Девочки выздоровели, а сама Наташа умерла.

Эпидемия гриппа была страшная во всей Европе. От нее умерли 20 (по другим сведениям 40) миллионов человек. Повидимому, тогда не было эффективных лекарств от гриппа, а, может быть, это был особенный грипп. Эту загадку ученые пытаются разгадать и в наше время.

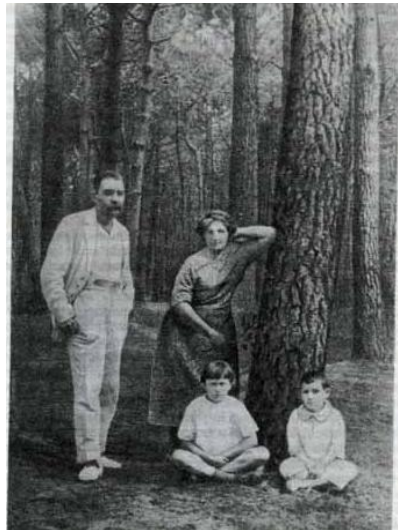
3. НАТАША И КАТЯ СТОЛЯРОВЫ

3.1. Детство Наташи и Кати.

Девочек взяли Наташины знакомые, соседи по Рязани, муж и жена Шиловские. У них не было своих детей, они очень привязались к девочкам, как к собственным детям. И девочки их считали своими вторыми родителями.

Константин Васильевич Шиловский (1905 г.) Ольга Петровна Депрейс-Шиловская (1905г.)

Константин Васильевич и Ольга Петровна Шиловские с Наташей и Катей (1923 г.)

Иван был в Москве, обстановка была очень сложная, шла гражданская война.

Иван узнал о смерти жены и дочери, погоревал и через некоторое время женился на ее младшей сестре Анне Сергеевне (от второй жены отца, младшей сестре Нины Сергеевны). Он хотел взять дочерей в Россию, они два раза приезжали к нему в гости, (тогда это еще было можно), в Рязани возле

дома, где когда-то жили родители матери, был сквер, носящий имя Наташи Климовой.

Наташа и Катя у Михаила Сергеевича.

Сидят: Михаил Сергеевич, Лена Климова (дочь Миши), Надя (жена Миши), ?,

Стоят: Наташа Столярова, Татьяна Сергеевна Климова, Катя Столярова.

Решили с приездом в СССР подождать, пока девочки кончат школу, к тому же Шиловские очень протестовали, говорили, что Иван эгоист, у него новая семья, там новые дети, а они считают девочек своими детьми. Девочки учились в школе во Франции, у Наташи были самые близкие школьные подруги Ида Шагал и Ирина Эренбург, дочери Шагала и Эренбурга.

В доме Шиловских девочки видели много примечательных людей, бывших революционеров, политэмигрантов, бывших товарищей Шиловского по университетам в Москве и в Германии, многих членов временного правительства, в том числе Керенского, Милюкова, Сухомлина.

3.2. Шиловские

Ничего я о Шиловских не знал, пока не стал писать эту историю, кроме фамилии, которую произносила Нина Сергеевна.

Но, разыскивая книжки про Наташу Климову и Наташу Столярову, я нашел книжку про Константина Васильевича Шиловского с надписью авторов Наталье

Ивановне Столяровой о том, что без ее помощи эта книга не увидела бы свет. Действительно, после смерти Натальи Сергеевны, Наташа и Катя жили у Константина Васильевича и его жены Ольги Петровны Шиловских, считавших их своими вторыми родителями. На очень многих страницах имеются ссылки о том, что материал о тех или иных сведениях почерпнут из личного архива Н. И. Столяровой.

К. В. Шиловский родился в Рязани в дворянской семье. Семья жила на той же улице, на которой жили Климовы. Уже в школе Константин заинтересовался социалистическими идеями, был членом марксистского кружка, который вели студенты Петербургского и Московского университетов.

Потом он поступил в Московский Университет, где продолжал революционную работу и был под надзором полиции. В 1903 г. его поймала полиция во время провоза из-за границы большого количества нелегальной литературы. Из тюрьмы ему удалось бежать, но, через несколько месяцев, он снова был пойман. Когда он после побега прятался в болоте, он простудился и заболел туберкулезом. В 1904 и 1905 г. он был в ссылке в Астрахани, потом ему по состоянию здоровья разрешили жить в Рязани. Осенью 1906 г. он с женой уехал учиться в Германию, окончив университет, переехал в Париж, где жил долгие годы.

Шиловский был выдающимся изобретателем. Главным его изобретением был гидролокатор, патент на который он получил во время первой мировой войны, когда союзные флоты несли большие потери от Германских подводных лодок. Промышленное освоение гидролокаторов Шиловской выполнил вместе с выдающимся французским ученым и инженером Ланжевенном. Гидролокатор до настоящего времени является основным средством обнаружения подводных лодок. На подобных принципах Шиловским были изобретены способы обнаружения полезных ископаемых и наведения торпед на цель.

У Шиловского было много других изобретений (в книге список из 62 изобретений), в том числе:

- способы увеличения дальности полета и уменьшения рассеивания снарядов,
- способ различения натурального жемчуга от искусственного, получаемого японцами путем инъекций некоторых веществ в определенную часть тела моллюсков.

Во время оккупации Франции Шиловский переехал в США и там продолжал изобретать, в том числе то, что помогало союзникам вести войну.

Однако его материальное положение всю его жизнь и особенно в США было тяжелым, в первую очередь потому, что он хотел сохранить российское

гражданство и поэтому не получил французского гражданства, что мешало ему, как иностранцу, непосредственно участвовать в оборонных работах, которые хорошо оплачивались. В Советском Союзе про этого выдающего изобретателя никто не знал, поскольку он был эмигрантом, единственная книжка о нем вышла только в 1984 г.

3.3. Катя.

Когда девочки стали взрослыми, каждая сделала свой выбор: Катя осталась во Франции, а Наташа, вернулась в Россию.

Катя, в 1937 г. вышла замуж за художника итальянца Рино Анзи.

Катя и ее муж Рино Анзи

Во время войны они были в Милане, его призвали в армию, Через некоторое время он из действующей армии попал к партизанам, вместе с которыми он воевал до конца войны. У них родился сын Алёша, он художник, сейчас они живут в Швейцарии, в Женеве.

Во время войны Катя участвовала в сопротивлении в Нормандии во Франции, была связной. Однажды, когда она везла ночью на велосипеде тяжелый приемник для партизан, ее сбил немецкий грузовик, она получила сотрясение мозга и свалилась в обрыв. Было несколько операций, но в 40 лет она стала инвалидом.

У нее есть квартира в Париже, которую она получила от правительства Франции как герой сопротивления. Она уже пожилая, с Наташей (моей женой) она переписывается и перезванивается. Пая несколько раз была у нее в гостях, ездила в Париж, была в гостях у Иды Шагал.

3.4. Возвращение в Россию.

В Париже Наташа стала невестой молодого поэта Бориса Поплавского, который посвятил ей один из лучших своих поэтических циклов «Над солнечною музыкой воды». Она была музой, вдохновившей его на роман «Домой с небес», изданный много позже.

Борис Поплавский, по общему мнению, был «самым сильным голосом» из молодых поэтов Парижа, был известен, т.к. принимал участие в вечерах молодой поэзии, однако жил очень бедно, работал очень много над стихами и прозой, за которые не платили. Единственная прижизненно изданная книга «Флаги» была опубликована в 1931.

Борис Поплавский

Наташа Столярова. Рисунок Б. Поплавского

Столярова "лет с шестнадцати ходила на русские вечера поэтов, нередко в кафе, где занимали какую-нибудь боковую комнату и за чашкой кофе могли спокойно сидеть целый вечер". На этих вечерах она видела многих из тогдашних молодых знаменитостей, "раз или два слышала Бориса Поплавского. Показался странным. Это было в конце 20-х годов, когда стихи его только изредка появлялись в печати".

Встречала она его и раньше. "Софья Валентиновна (мать Поплавского) дружила с Ольгой Петровной из семьи, в которой она росла. Софья Валентиновна шила, и Наташа к ней пришла с куском материала от Ольги Петровны. Пока они разговаривали, через комнату прошел еще молоденький Борис", вспоминала Столярова. Знакомство же состоялось в 1931 г. в

философском кружке, куда двух сестер привел Л. Б. Савинков, сын Бориса Савинкова.

Сохранился графический портрет Столяровой работы Поплавского: вдаль смотрит полудетское лицо с чистым профилем, гладко причесанные волосы, хрупкое сложение.

Встреча с ней открыла в его творчестве "солнечную" страницу. В цикле стихов "Над солнечною музыкой воды" центральными образами становятся свет, солнце, сияние. "Сияет жизнь", "все свежестью полно", "все наполнено солнечным знанием", блеском, радостью, молодостью.

Наташа сказала ему о своем решении ехать в Советский Союз.

Он называл решение "рабским". Для него было очевидным, что, живя в "СССР", Наталия почувствует "тяжелую лапу всеми принятого отказа от свободы". В этом ему виделась слабость русского характера, стремящегося "в толпе укрыться", Он боялся, что она "поплатится" за свои иллюзии, попав в "рабское стадо", в которое "превращается народ под лапой хозяина".

С другой стороны, можно понять и увлеченность молодой девушки новым смыслом понятия свободы, возвышением человека как активного строителя своей и общественной жизни.

О последних встречах с Поплавским Столярова вспоминала: "Он был сдержан, а я плакала... Он сказал: "Когда Бог хочет наказать человека, он отнимает у него разум", — иначе говоря, что я не должна была уезжать. И, вероятно, он был прав. Он тешил себя мечтами, что я приеду через год. Я тоже в это верила. Он допускал мысль, что сам приедет, и будет работать "ретушером". В другие моменты, отговаривая меня, предсказывал с удивительной точностью мою судьбу".

Окончив Сорбонну в 1934 г. Наташа приехала в СССР в декабре того же года, в самый опасный момент, после убийства Кирова. Отец был сослан, как бывший эсер, в Бухару в 1930 г., но выпущен в 1933 г. по ходатайству Екатерины Пешковой, первой жены Горького. Теперь он жил в Москве в поселке «Сокол» с семьей. С пропиской Наташе помогли друзья, на работу пригласил академик Струмилин, друг Шиловского, в качестве его секретаря в институте экономики Академии Наук.

Новый 1935-й год она встречала в Союзе писателей в Москве. Напротив нее, как она вспоминала, сидела Татьяна Акимовна Шапиро. Это имя также было значимым для Поплавского — ей посвящен его "Дневник Т." 1927-1928 гг. Татьяна Шапиро уехала в СССР в 1928 г.

Перед отъездом Наташи в СССР Борис Поплавский договорился с ней о том, что, если она сама не вернется через год и если он получит от нее хорошие известия, он поедет в Россию к ней.

Поплавский умер в 1935 г. приняв какой-то белый порошок, считая его наркотиком.

Его поэтические книги изданы после смерти: «Снежный час» в 1936 г., включающий «Над солнечную музыку воды», «В венке из воска» в 1938 г., «Дирижабль неизвестного направления» в 1965 г.

Прозаические книги также печатались после его смерти фрагментами. «Аполлон Безобразов», публиковавшаяся отрывками, но полностью напечатанная только в 1992 г. «Домой с небес», также публиковавшаяся фрагментами, но полностью напечатанная в 1993 г.

Борис Поплавский вел дневник, после его смерти сохраненный близко его знавшим Николаем Татищевым. Его сын, Борис Татищев, издал книгу «Перехваченные письма», где очень много выдержек из дневника и писем Поплавского.

Наташа работала всего два года. А в 1937 году ее арестовали и дали 8 лет тюрьмы. Предъявили обвинение – участница антисоветской организации.

Организация действительно была, приехать в Советский Союз было очень трудно, несколько молодых людей организовались и вместе добивались разрешения приехать. Но никакой антисоветской эта организация, конечно, не была.

Отец был арестован во второй раз после приезда Наташи и не вернулся.

Фотографий этого периода нет, но есть рисунок.

Наташа (рис.)

3.5. Советская тюрьма.

Когда Наташу привели в камеру после ареста, допроса и обыска, который был крайне унижительным, она, очень усталая и подавленная легла на свое место и пыталась заснуть. Но сон не шел, и сквозь дрему она слышит, что одна из женщин что-то рассказывает, все время повторяя, «Натуля сказала то-то, Натуля сделала то-то...». Наташа спросила ее:

- О ком вы говорите?
- О Наташе Климовой, мы с ней сидели в одной камере царской тюрьмы, потом вместе бежали.
- Я дочь Наташи Климовой, сказала Наташа.
- Женщина залилась слезами и сказала: Сидеть с Наташей Климовой в царской тюрьме было так интересно, и так ужасно сидеть у своих, в советской тюрьме, да еще встретить здесь ее дочь!

Эта женщина после революции стала большевичкой, занималась партийной работой, стала какой-то партийной начальницей, а в 37-ом году ее, как и многих арестовали.

За время заключения Наташа оказывалась в камере вместе с разными людьми, в частности, какое-то время сидела вместе с Евгенией Гинзбург (матерью Василия Аксенова), которая в первое время считала, что кругом нее сидят враги и антисоветчики, а она сама арестована по ошибке. В ее книге «Крутой маршрут» она об этом не вспоминает, но пишет, что ей за время заключения попадались люди, которые так считали.

Наташа сидела в Карлаге (в Караганде), где испортила поджелудочную железу, от которой и умерла в 1984 г.

Вот что пишет сама Н.И. про заключение Варламу Тихоновичу Шаламову в мае 66 г.:

1937: перед арестом тяжкое ощущение петли, затягивающейся на шее, трудное общение с людьми, одиночество. Следовательно, читавший мои дневники, имел умное и доброе лицо, хотел мне добра. О его расстреле узнала случайно в лагере.

Другому своему знакомому Александру Богословскому Н.И. рассказала, что во внутренней тюрьме на Лубянке следователь требовал назвать пять фамилий любых знакомых или малознакомых людей, очевидно необходимых тогда, чтобы «лепить» новое групповое дело. В случае отказа следователь грозил отправить Н.И. в Лефортово, где изуверы чекисты измывались над заключенными, подвергая их изощренным пыткам. После тяжелых раздумий в камере Н.И. отказалась кого-нибудь предать в руки палачей, хотя не знала,

сможет ли она перенести непрерывные допросы и пытки в Лефортово. Все же «дело» посчитали незначительным, неперспективным, и не пожелали раскручивать дальше.

1938: тюрьма, моя расплывчатость и страх превращаются в сопротивление и ненависть к определенной касте (надеюсь, Вы понимаете, что никаких розовых очков у меня вообще не было, никакая вера не рушилась, наоборот, окре пилась вера в человеческое в людях, в товарищах моих). Деталь: Томская, узнав, что все три сына получили 10 лет одиночного заключения, берет себя за седую косу и колотит своей головой нары. Этап. Лагерь. Голод.

1939 – 1945: лагерь, люди – тени, голод, карцеры, и т.д.

3.6. Рассказы Наталии Ивановны

Нам, родственникам, она время от времени рассказывала отдельные эпизоды своей биографии, весьма богатой интересными событиями и встречами с самыми разными людьми.

Собрать все это в одно место очень трудно, т.к. Наташа, как известно, никогда не перемешивала свои многочисленные компании, так что ее друзья практически были незнакомы друг с другом. С нами она много последние месяцы, может быть год ее жизни, когда она собирала материал о родственниках.

Представляется, что воспоминания Наташи практически не могут быть подтверждены сохранившимися документами.

3.6.1. Обвинения

Во время реабилитации Наташа узнала, что ей предъявлены следующие обвинения:

- 1) Участие во встречах в посольстве в обществе возвращенцев (где выступали, в частности Горький и Фадеев). Это было в действительности;
- 2) Участие в НТС. Это вымысел;
- 3) Пребывание в фашистской Германии.

История этого пребывания такова: Наташа, с ее обычной любознательностью, решила ознакомиться, что собой представляет фашизм. Для этого она прожила некоторое время в Германии в семье молодого человека, фанатично преданного идеям фашизма.

Официальная версия – Наташа учила его разговорному французскому, а он ее разговорному немецкому.

Вела же она себя в свойственном ей стиле без всяких попыток подладиться к обстановке.

Например, однажды она, которую все считали француженкой, пришла в еврейское кафе (с желтыми звездами и другими атрибутами) и попросила хозяина, чтобы ее обслужили. Хозяин попросил ее удалиться, сказав, что пребывание в кафе опасно для нее. На что Наташа сказала, что ее интересует только одно – может ли хозяин ее обслужить. После нескольких попыток отговорить Наташу, хозяин принес заказанное и низко ей поклонился. После этого все, кто был в кафе, тоже встали и низко ей поклонились.

3.6.2. Баня

Во время пересылки Наташи ее женский этап около двух месяцев не водили в баню.

Женщины очень страдали от грязи и насекомых. И вот однажды этап разместили в мужском бараке, где была горячая вода, но негде было мыться, т.к. на всех нарах находились мужчины.

В этой ситуации Наташа со свойственной ей решительностью, сказала: «Женщины, мы будем мыться по одной, а остальные, взявшись за руки, не пустим мужчин к той, которая моется».

Все согласились, кроме одной (Н. И. Сац, которая была любовницей Тухачевского). Ей Наташа сказала: «Не хотите, оставайтесь грязной, а мы будем мыться».

Так и сделали, и мужчины не смогли помешать им с наслаждением помыться.

3.6.3. Психованная

Однажды в камеру, где находилась Наташа, привели блатнячек, и паханша стала их распределять по нарам, указывая каждой место, куда та должна была лечь. При этом женщина, занимавшая это место, должна была немедленно его освободить.

Наташа не хотела принимать участия в этом и демонстративно читала книгу. Паханша предложила одной из своих занять место Наташи, но Наташа не освободила места. Паханша направилась к ней. «В этот момент, говорила Наташа, я прощалась с жизнью, но иначе я поступить не могла».

С высоты нар она бросилась всем телом на паханшу, та упала, головой стукнувшись о колонну, и потеряла сознание. Наташа решила, что сейчас ее убьют, в лучшем случае избьют до полусмерти. Однако никто ее бить не стал.

Паханша, очнувшись, произнесла: «что же ты не сказала, что ты психованная?», и оставила Наташе то место, которое у нее было раньше.

3.6.4. Уважение к любви

Муж Наташи, Григорий, работал шофером в то время, когда она работала на ферме в Карлаге. Свидания бывали редкие и грозили им всякими неприятностями.

Однажды, когда он приехал на ферму, Н. И. с Григорием заперлись в комнате, предоставленной им кем-то из персонала. Н. И. захватила с собой немного сметаны и творога, чтобы подкормить мужа.

А тут обход, Наташи нет на месте, женщины указывают, где она, в комнату стучат. Наташа сразу соображает, что за то, что они заперлись, им грозит только карцер, а за сметану и творог – новый срок. Поэтому она стала торопить мужа, чтобы он скорей все съел, однако он не мог быстро все съесть. «И я сама все съела, - рассказывает она – и только после этого открыла дверь».

Их развели по карцерам. Наташа попала в женский карцер, где сидели проститутки, которые занимали все нары, и негде было лечь. Никто не пошевелился, чтобы ей освободить место. Наташа решила, что как-нибудь просидит ночь, т.к. в 5 утра ее все равно должны были выпустить работать на ферму.

Но тут одна из них спросила: «Ты за что сидишь, за любовь?» Наташа ответила утвердительно. Тогда женщины подвинулись и освободили ей место.

3.6.5. О Грише

Гриша был добрым человеком и очень любил Наташу.

Но он был «домашним» человеком, хотел спокойной жизни с Наташей, не понимая, как она может, пообещав ему прийти вечером, прийти через два дня, его не интересовали московские Наташины друзья, он не стремился переехать с Наташей в Москву.

Сам он на Наташиных друзей производил впечатление человека скучного, ограниченного. У него был сын, который тоже был репрессирован. Вернулся он к отцу вместе с женой, с которой у Наташи отношения не сложились.

Наташа рассталась с Гришей, когда переехала в Москву.

3.7. Освобождение из тюрьмы

Наташу Столярову освободили в 1946 году, когда еще мало кого освобождали, и власти не знали, что с ними делать. Где она была с 46 до 53 г., мы не знали, пока не прочли это письмо к Шаламову :

1946: *ни малейшего страха свободы*, нетерпеливое желание ее, и лёгкое презрение к тем, кто оседает тут рядом в Караганде из страха свободы. Упорно год добивалась, чтобы отпустили без назначения в определенный район, Москва и полгода жизни в Москве после подписания бумаги о выезде в 24 часа.

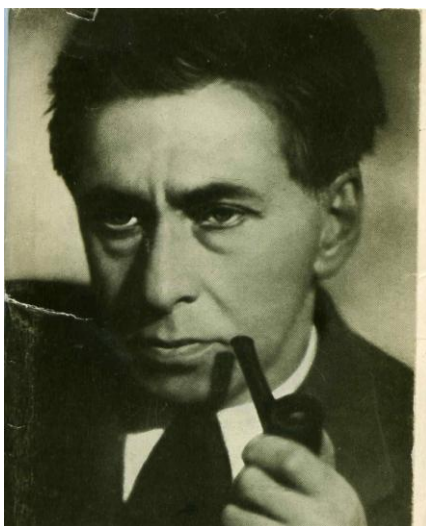
1946-1947: долгие дороги, вокзалы с ночевкой на полу, переселение народов, поиски работы, отказ, голод. Выручают друзья в разных городах и золотая медаль, полученная матерью в школе. Унизительная сцена в Луге, в артели по изготовлению варежек для пленных немцев, куда почти взяли было...А потом: «хотела проникнуть, втереться в наш коллектив!».

1947: Москва, страх подвести родственников, которые живы и которых люблю. Нальчик, работа - курьер-уборщица, не хватает на ночлег, на хлеб. Ташкент, куда добираюсь зайцем.

1947 – 1953: совхоз (лаборантка маслоделия), колхоз (учительница в Узбекской школе, откуда выгоняют за лагерь), (библиотекарь), вступаю в институт, и кончаю в полтора года с ежеминутным страхом, что узнают и тоже выгонят.

4. ЭРЕНБУРГ, СОЛЖЕНИЦЫН И ДРУГИЕ

4.1. Работа у Эренбурга

И.Г. Эренбург

В 1953 г. ей по ходатайству Эренбурга, знавшего Наташу с 10 лет, разрешили жить в Рязани, в Москву приезжать было запрещено (ссылка).

Несмотря на это она в Москву приезжала на короткое время, жила у друзей и родственников. В Рязани Наташа жила до 1956 г., преподавала французский язык.

В 1956 г. ее школьная подруга Ирина Эренбург уговорила отца взять ее своей секретаршей.

Эренбург прожил поразительную по насыщенности и богатству событиями жизнь.

Он родился в Киеве в 1891 году.

1905 год. Ему 14 лет. Из гимназии убегает на митинги. Во время декабрьского восстания помогает строить баррикады.

1908 год. Первый арест. Сперва он сидит в Суцевской части, в Басманной, потом в Бутырках – в одиночке. Жандармский полковник, усмехаясь, говорит ему: «Вам должны дать шесть лет каторжных работ, но треть скостят – по несовершеннолетию. Потом – вечное поселение. Оттуда вы удержите – я вас знаю...» Однако его выпускают до судебного разбирательства под гласный надзор полиции и высылают из Москвы в Киев, потом в Полтаву, оттуда в Смоленск.

Осень 1908 года. Он уезжает в Париж. Встречается там с Лениным. Некоторое время ведет жизнь, обычную для политического эмигранта из России. В 1909 году встречается с Троцким, который ему не понравился своим авторитаризмом. Но вскоре отходит от политики, начинает писать стихи. Выпускает свои первые поэтические сборники. Знакомится с Шагалом и Пикассо, становится их другом.

Эренбург, работы Пикассо

1916 год. Портрет Эренбурга, нарисованный Максимилианом Волошиным: «Я не могу себе представить Монпарнас без фигуры Эренбурга. Его внешний облик как нельзя более подходит к общему характеру духовного запустения».

1917 год. При первом известии о революции в России стремится вернуться на родину. В июле того же года он уже в России.

1918 год. Пишет книгу стихов «Молитва о России», в которой оплакивает канувшую в прошлое Русь, золотые купола ее церквей, ее бывшее величие. Октябрьский переворот воспринимает как катастрофу.

1921 год. Уезжает в Германию, где живет одной жизнью с эмигрировавшими из России поэтами и писателями, хотя, в отличие от них, у него – советский паспорт. («Эренбург щедро одарен от природы, у него есть паспорт», – шутил живший в то время там же, в Берлине, Виктор Шкловский.)

Выходит в свет его первый роман «Необычайные похождения Хулио Хуренито и его учеников». В одном из писем того времени Эренбург с удовлетворением отмечает, что роман понравился и Ленину, и Гессену (одному из лидеров кадетской партии).

1935 год. Эренбург – один из организаторов первого антифашистского конгресса в защиту культуры. Специальный корреспондент «Известий» в Париже.

1937 год. Эренбург в осажденном Мадриде. Он – один из активнейших участников Гражданской войны в Испании.

1939 год. 14 июня, утром, выйдя из советского посольства на улице Гренель, он дошел до пустынной Авеню де Ман и увидел колонну немецких солдат. Гитлеровцы вошли в Париж.

Конец 1940 года, начало 1941-го. Эренбург пишет антифашистский роман «Падение Парижа». У нас в то время – пакт с Гитлером. Первая книга романа вышла в свет в марте 1941 года. Вторую книгу никто не решается печатать, она выходит в свет благодаря личному вмешательству Сталина.

Отечественная война. Он был живой легендой. Как написал об Эренбурге в одной своей статье Вениамин Каверин, «на весь мир раздавался стук его пишущей машинки».

Илья Григорьевич был человеком необычайно талантливым и интересным. Он писал легко, быстро, но не поверхностно. Он сделал очень много для советской и для российской культуры. Никто из писателей нашей страны – ни раньше, ни позже не имел таких широких и прочных связей с деятелями европейской и западной культуры. Конечно, он шел на компромиссы – для того, чтобы выжить. Но эта гибкость сочеталась у него с большой силой и таланта, и ума, и с этим не мог не считаться даже Сталин. Выступая против фашизма, он был искренен и добился здесь поразительных результатов. Газеты с его статьями вывешивались тогда на специальных стендах. По силе воздействия на граждан нашей страны, на ее солдат и офицеров ничего равного этому в истории отечественной публицистики, да и во всей русской литературе, нет. В армии статьи Эренбурга нередко читали перед строем, на привале, в землянке. С этой точки зрения, Илью Эренбурга можно было бы назвать и одним из самых великих ораторов XX века.

В приказе Гитлера упоминается Эренбург, как один из опаснейших врагов «рейха».

14 апреля 1945 г. в «Правде» появляется статья Г.Ф. Александрова, заведующего отделом агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), «Товарищ Эренбург упрощает». Подспудный смысл этого выступления «Правды» был очевиден: война кончалась, и Сталину больше не нужны были никакие другие идеологи, кроме одного, единственно непогрешимого – самого Сталина.

А вот как вел себя Эренбург во время борьбы с космополитизмом (статья Гендлина об Эренбурге).

«В СССР началась кровопролитная борьба с космополитизмом. В струю "разоблачения" попал и Эренбург.

Мне удалось проникнуть на "историческое" писательское собрание и сохранить стенограмму выступлений. Эренбурга разделали "под орех". Ругали за все, даже за публицистику военных лет. В годы Второй мировой войны статьи Ильи Эренбурга носили характер разорвавшейся бомбы. С каким нетерпением солдаты и офицеры ждали на фронте и в госпиталях, в тылу и на пыльных дорогах его очерки, которые бережно хранились в полевых сумках и нагрудных карманах вместе с фотографиями близких, с партийными и комсомольскими билетами.

Началось обсуждение литературной деятельности "беспартийного" писателя Ильи Григорьевича Эренбурга. Выступающие ораторы говорили злобно и беспринципно. Особенно лезли из кожи писатели "среднего" поколения: Софронов, Грибачев, Суров, В. Кожевников; критик Ермилов.

На трибуне с напояженными волосами Анатолий Суров: "Я предлагаю товарища Эренбурга исключить из Союза советских писателей за космополитизм в его произведениях".

Николай Грибачев: "Товарищи, здесь очень много говорилось об Эренбурге, как о видном и чуть ли не выдающемся публицисте. Да, согласен, во время Отечественной войны он писал нужные, необходимые для фронта и тыла статьи. Но вот в своем многоплановом романе "Буря" он похоронил не только основного героя Сергея Влахова, но лишил жизни всех русских людей — положительных героев. Писатель умышленно отдал предпочтение француженке Мадо. Невольно напрашивается вывод: русские люди пусть умирают, а французы — наслаждаются жизнью? Я поддерживаю товарищей Сурова, Ермилова, Софронова, что гражданину Эренбургу, презирающему все русское, не может быть места в рядах "инженеров человеческих душ", как назвал нас гениальный вождь и мудрый учитель Иосиф Виссарионович Сталин".

На трибуне еще один "инженер-душелюб", "людовед века" — Михаил Шолохов: "Эренбург — еврей! По духу ему чужд русский народ, ему абсолютно безразличны его чаяния и надежды. Он не любит, и никогда не любил Россию. Тлетворный, погрязший в блевотине Запад ему ближе. Я считаю, что Эренбурга неоправданно хвалят за публицистику военных лет. Сорняки и лопухи в прямом смысле этого слова не нужны боевой, советской литературе.

Я наблюдал за И.Г. Эренбургом. Он спокойно сидел в дальнем углу зала. Его серые глаза были полузакрыты, казалось, что он дремлет.

Председательствующий, тонкий виртуоз словесных баталий Алексей Сурков предоставляет для "покаяния" слово писателю.

Илья Григорьевич неторопливо направился к сцене. Не спеша, отпил глоток остывшего чая. Близорукими глазами оглядел зал, в котором находились его бывшие "сотоварищи". Разлохматив пепельно-седоватые волосы, слегка наклонившись, он тихо, но внятно, проговорил: "Вы только что с беззастенчивой резкостью, на которую способны злые и очень завистливые люди, осудили на смерть не только мой роман "Буря", но сделали попытку смешать с золой все мое творчество. Однажды в Севастополе ко мне подошел русский офицер. Он сказал: "Почему евреи такие хитроумные, вот, например, до войны Левитан рисовал пейзажи, за большие деньги продавал их в музеи и частным владельцам, а в дни войны вместо фронта устроился диктором на московское радио?" По стопам малокультурного офицера-шовиниста бредет малокультурный академик-начетчик. Бесспорно, каждый читатель имеет право принять ту или иную книгу, или же ее отвергнуть.

Позвольте мне привести несколько читательских отзывов. Я говорю о них не для того, чтобы вымолить у вас прощение, а для того, чтобы научить вас не кидать в человеческие лица комья грязи. Вот строки из письма учительницы Николаевской из далекого Верхоянска: "На войне у меня погибли муж и три сына. Я осталась одна. Можете себе представить, как глубоко мое горе? Я прочитала ваш роман "Буря". Эта книга, дорогой Илья Григорьевич, мне очень помогла. Поверьте, я не в том возрасте, чтобы расточать комплименты. Спасибо вам за то, что вы пишете такие замечательные произведения".

А вот строки из письма Александра Позднякова: "Я — инвалид первой группы. В родном Питере пережил блокаду. В 1944 попал в госпиталь. Там ампутировали ноги. Хожу на протезах. Сначала было трудно. Вернулся на Кировский завод, на котором начал работать еще подростком. Вашу "Бурю" читали вслух по вечерам, во время обеденных перерывов и перекуров. Некоторые страницы перечитывали по два раза. "Буря" - честный, правдивый роман. На заводе есть рабочие, которые дрались с фашизмом в рядах героического Французского Сопротивления. Вы написали то, что было, и за это вам наш низкий поклон".

После многозначительной паузы Эренбург сказал: "Разрешите выступление закончить прочтением еще одного письма, самого дорогого из всех читательских отзывов, полученных мной за последние тридцать лет. Оно лаконично и займет у вас совсем немного времени".

Наступила тишина. Смолкли самые ретивые. Фотокорреспонденты, нелегально проникшие в зал, приготовили камеры. На них перестали обращать

внимание. В воздухе запахло сенсацией. Подавив ехидную улыбку, Эренбург, не спеша, начал читать: "Дорогой Илья Григорьевич! Только что прочитал Вашу чудесную "Бурю". Спасибо Вам за нее. С уважением И. Сталин".

Что творилось в зале! Те самые писатели — "инженеры-людоведы", которые только что ругали Эренбурга последними словами и готовы были дружно проголосовать за его исключение, теперь без всякого стыда ему аплодировали. По своей натуре писатель был не из тех людей, которые позволяют наступать себе на пятки. На трибуне Алексей Сурков:

"Товарищи! Подытоживая это важное и поучительное для всех нас совещание, я должен сказать со всей прямоотой и откровенностью, что писатель и выдающийся журналист Илья Григорьевич Эренбург действительно написал замечательную книгу. Он всегда был на переднем крае наших фронтов в борьбе за социалистический реализм. Мы с вами обязаны осудить выступающих здесь ораторов. Буря Эренбурга — совесть времени, совесть нашего поколения, совесть и знамение эпохи»...

1953 год. Эренбургу в Кремле торжественно вручают золотую медаль лауреата Международной премии Мира.

1954 год. Появляется его повесть «Оттепель», характеризующая время. Во всех газетах резкие критические статьи, но «Оттепель» становится символом эпохи.

1962 год. Эренбург на художественной выставке в Манеже пытается защититься от грубых нападок Хрущева живопись Фалька.

1963 год. На совещании в ЦК КПСС доклад секретаря ЦК Л.Ф. Ильичева, почти целиком посвященный разоблачению Эренбурга, политическому пересмотру всей его литературной и общественной деятельности. А 8 марта того же года – разгромная речь Хрущева, практически вычеркивающая Эренбурга из литературы и ставящая крест на всей его общественной деятельности...

Последние годы он пишет «Люди, годы, жизнь». Написал 6 томов, седьмой том остался неоконченным.

Этот перечень «знаменательных дат» его жизни можно было бы существенно расширить.

А вот – перечень лишь некоторых знаменитых современников, с которыми его сводила судьба: Ленин, Горький, Модильяни, Эйнштейн, Маяковский, Есенин, Пикассо, Шагал, Троцкий, Пастернак, Андрей Белый,

Бухарин, Диего Ривера, Ахматова, Франсуа Мориак, Андре Мальро, Хемингуэй, Савинков, Антонов-Овсеенко, Литвинов, Долорес Ибаррури, Мандельштам, Тувим, Фадеев, Андре Жид, Цветаева, Бабель, Бертран Рассел, Жолио Кюри, Мейерхольд, Эйзенштейн, Волошин, А. Н. Толстой, Ильф и Петров, Фальк, Кончаловский, Матисс, Тышлер, Таиров, маршал Рокоссовский, генерал Власов...

Список этот тоже далеко не полон.

Наталия Ивановна работала секретарем Эренбурга 11 лет, до самой его смерти

Н.И. Столярова

Главной заботой Наталии Ивановны были бывшие политзаключенные, для чего она широко пользовалась возможностями дома Эренбургов. Помимо прочего работа секретарем Эренбурга открывала ей широкие контакты в СССР и за рубежом.

К Эренбургу, как к знаменитости, лились письма, шли просители, и многие из них были бывшие зэки, так что Наталья Ивановна пришлось очень к месту.

В 1957 г. она подружилась с Татьяной Акимовной Шапиро, которой был посвящен дневник Поплавского за 1927-1928 гг. и ряд стихотворений. Ее когда-то просил разыскать в России Поплавский. Подружилась она и с ее мужем — востоковедом Е. Л. Штейнбергом. Для Натальи Ивановны начался новый этап литературной работы: она переводила французских писателей, подготовила к печати труд по истории декоративного искусства.

Анна Ахматова

В эти годы Наталия Ивановна часто виделась с Анной Андреевной Ахматовой. В «Записных книжках» Ахматовой 1958-1966 годов Н.И. Столярова упоминается 40 раз.

О встрече со Столяровой вспоминает Рой Медведев.

С Надеждой Яковлевной Мандельштам Наталья Ивановна виделась часто и принимала участие в публикации ее материалов за рубежом.

Н.И. Столярова неоднократно виделась с Б. Л. Пастернаком и, после его смерти, с его сыном Евгением и женой сына Алёной.

На снимке слева направо Алёна, Надежда Яковлевна Мандельштам, Евгений Пастернак на даче.

Алёна вспоминает, что Н.И. Столярова бывала у них, обещала познакомить с Солженицыным, но не успела, поскольку его выслали.

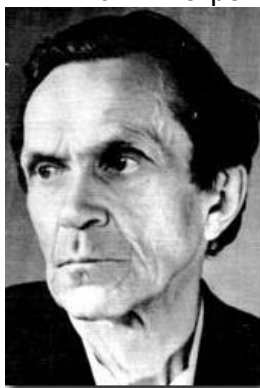
Многие писатели, которые посещали Москву, бывали у Эренбурга. На снимке визит Артура Миллера с женой к Илье Эренбургу.

Присутствует Наталья Ивановна Столярова.

На снимке: Артур Миллер, Н.И. Столярова, И.Г. Эренбург, жена Артура Миллера

Варлам Шаламов по рассказам Н.И. Столяровой написал рассказ «Золотая медаль».

Но ни строчки из лагерной прозы Шаламова не было опубликовано в России при его жизни. Долгое время и на западе публиковались лишь единичные его рассказы.

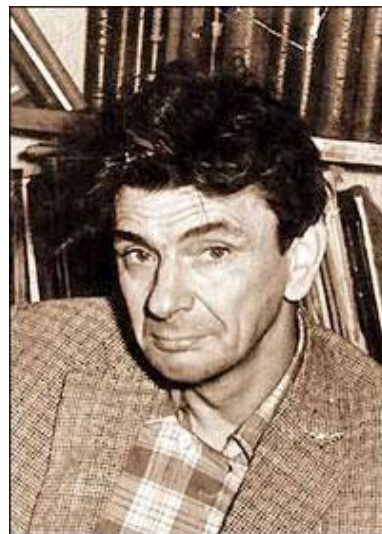
Варлам Шаламов

Наконец, вышел без его ведома том «Колымских рассказов». Шаламов к этому времени был одинок и болен. Наталья Ивановна Столярова привезла опубликованную в Париже книгу и передала ее Варламу Тихоновичу. Это была первая книга «Колымских рассказов», которую Шаламов держал в руках.

После «Хранителя древностей» Домбровский взялся за продолжение, за роман «Факультет ненужных вещей». Эту вещь также собирался печатать Твардовский. Он успел её даже поставить в проспект журнала на 1969 год. Но цензура на этот раз снятие пяти фраз не устроило. Её теперь испугал весь пафос книги. А настоять на своём у Твардовского сил уже не было.

Когда Домбровскому окончательно стало ясно, что в Советском Союзе его роман «Факультет ненужных вещей» никто печатать не будет, он принял решение опубликовать рукопись на Западе. Главной помощницей ему в этом деле стала Наталья Ивановна Столярова.

Книга вышла весной 1978 года в парижском издательстве «Имка-Пресс». Авторские экземпляры до Домбровского дошли только в апреле. А спустя несколько дней писателя страшно избили, какие-то типы навалились на него сзади и нещадно исколотили.

Юрий Домбровский

В милиции потом говорили: мол, это несчастный случай. Но писатель считал, что это была месть наших спецслужб. Ему не могли простить то, что он осмелился излить народу всю правду о репрессиях.

Слова Юрия Осиповича относительно качества прозы: «В лагерной прозе Шаламов первый, я второй, Солженицын третий».

Интересно также, что в материалах его национальность указывалась: в одном тюремном деле еврей, в другом деле поляк, в третьем русский, а он говорил, что он еще и цыган.

В 1967 г. Эренбург умер. Его похоронили на Новодевичьем кладбище.

Как писал Гендлин, через два дня он поехал на кладбище. «Понури голову, одиноко стояла бывшая каторжанка сталинских лагерей, секретарь писателя Н.И. Столярова, кристальный человек, с добрым и благородным сердцем».

4.2. А.И. Солженицын и Н.И. Столярова

А.И. Солженицын

В 1962 году она познакомилась с Солженицыным, пригласив его как бы к Эренбургу, но Эренбург в это время был за границей, просто очень хотела познакомиться.

Дальнейшее по книге Солженицына «Бодался теленок с дубом», где под теленком он понимал себя, а под дубом КГБ. В книге есть большое приложение, где Солженицын пишет о каждом, кто ему помогал. Там есть большая глава (22 стр) о Наталье Ивановне Столяровой (псевдоним Ева) и ее друге Александре Александровиче Угримове (псевдоним Данила).

Весной 1962 года, прослышав о повести «Один день Ивана Денисовича», Наталья Ивановна пошла в редакцию «Нового мира»,

Вадим Афанасьев

и у Закса попросила рукопись от имени Эренбурга. Закс поворчал, но такому имени отказать не решился.

Посмотрела, а на первой странице написано «А. Рязанский», - и ахнула, не земляк ли? Тотчас отправилась к другу-фотографу Вадиму Афанасьеву, (псевдоним «Кожаная куртка»), мужу ее двоюродной сестры Паи (старшей сестры Наташи). Он для Солженицына и потом иногда работал. И лишь затем отнесла к Эренбургу.

Потом, передала Солженицыну через его друга Копелева, что нечто важное должна ему сообщить. Еще он объяснил, что это бывшая зэчка. Солженицын пришел, Эренбург был не при чем и за границей, но сидели они в его кабинете. Наталия Ивановна говорила о каких-то новостях, однако их явно не набиралось, чтоб оправдать его визит. На кого другого он бы рассердился, но на старую «зэчку» с сохраненным живым чувством и памятью островов Архипелага, не мог.

Да и она звала его не просто посмотреть, но и проверить, насколько он готов к ближайшим испытаниям, не отманят ли его в сторону, имея в виду, что он в фаворе у Хрущева, но это, она считала, не надолго.

Разговор сразу стал по-зэчески прост, и он невольно преступил границы осторожности, коснулся восстаний в каторжных лагерях, и услышал от нее: «Так об этом же всё написать надо!» - не смолчал, но приоткрыл: «Уже написано!». И в ответ увидел - вспышку радости. Уже на пороге, вполголоса от эренбургских домашних, напутствовала: не ослабнуть, не свихнуться на предстоящей славе. «Не бойтесь, заверил он спокойно, не свихнусь!»

В течение года виделись мельком раза два, и доверие у них друг к другу укрепилось. Через годок Наталия Ивановна со своими друзьями приехала в Рязань и заглянула к Солженицыну. И он, отведя Наташу в сторону, спросил: не возьмется ли она когда-нибудь передать кассету с текстами на Запад? И ничуть не колеблясь, Наташа ответила: да! Только чтобы не знал никто.

Но когда в октябре 1964 года сняли Хрущева, Солженицын решил, что нужно передавать срочно.

И она организовала переправку фотопленки на Запад через гостивших в Москве Вадима Леонидовича Андреева, сына Леонида Андреева, с женой Ольгой Викторовной. В переданной им алюминиевой капсуле было все, написанное Солженицыным от первых лагерных стихотворений до «Круга». Так Наташа стала первой «невидимкой», по терминологии Солженицына.

К.И. Чуковский, О.В. и В.Л. Андреевы в Переделкино

Как писал Солженицын, «Ева стала для него вторым воздухом, только через нее его подземная работа вдруг освещалась лучиком оттуда – как движутся наши дела, перевод «Круга» на английский. Довольно дать мне знать, - мы встречались тотчас. И во всякий приезд с Москву я старался увидеть ее. И впечатление от многих встреч соединялось, какое прирожденное, неусыпное благородство в ней, как она пронизана щедростью, как соединяются в ней гордость и ненавязчивость, и совершенная дружеская простота».

Печатали материалы многие люди, и этим руководила внучка Корнея Чуковского Елена Цезаревна (Люша), а Ева передавала материалы на Запад.

В ранних версиях текста «Теленка», где Солженицын описывает то, как он организовывал связь с Западом, он писал, что все на Запад передавал всегда самолично, чтобы прикрыть людей, которые в этом участвовали. На самом деле, до 1968 года никто, кроме Евы, с Западом его не связывал. Она определяла возможности, используя свои знакомства и свои личные поездки на Запад.

Например, в мае 1967 года Солженицын разослал 250 экз. «Письма съезду писателей» и отсиживался на даче в Переделкино у Чуковского. Но прошло уже 11 дней, уже и съезд кончился, а нигде на Западе не напечатали. Откуда не возьмись, Ева, на другой даче в гостях, позвонила ему, вызвала погулять. Узнав, в чем дело, она спросила: «А у Вас есть лишний экземпляр? Давайте, отправлю сегодня». (Она привезла в Переделкино французского искусствоведа Мориса Жардо, у которого хорошие связи с «Монд» и она взяла у него обещание). И через три дня письмо появилось в «Монд» и кампания была выиграна.

Александр Вадимович
(Саша) Андреев

В 1968 году с большим трудом через внука Андреева Ева отправила кассету с пленкой «Архипелага Гулаг». КГБ следил за отправкой, было очень опасно отправлять, но пленка ушла. Потом были волнения, что нет известий, что пленка благополучно пришла в Париж. Оказалось, парижская забастовка парализовала связь из Парижа.

Потом, весной 1971 года отправили снова «Архипелаг» на Запад, чтобы сделать перевод на немецком и шведском языке.

Степан Татищев сын Николая Татищева (см. «Перехваченные письма»), молодой парижский славяновед, ездил в Москву с 1967 года. Тогда Ева привела его к Наталье Кинд для встречи с Солженицыным. И еще он приезжал, Солженицын виделся с ним у Евы.

И вдруг Ева в 1971-м принесла новость: Степан Татищев, приехал в Москву как атташе по культуре посольства Франции на три года.

Продолжилась еще одна линия романа, узелок, завязанный на Монпарнасе в 1930-х. В брежневской Москве с ним встретилась Наталия Ивановна Столярова, последняя муза Бориса Поплавского. В этот круг солженицынских «невидимок» на долгие годы войдет и Степан Татищев.

И еще по цепочке, включающей дочь социалистки-революционерки (Столярова) и внука расстрелянного ярославского губернатора (отца Николая Татищева), в спортивной сумке, в дипломатическом багаже, без досмотра, из длинного здания «Шереметьева-1» уйдет на Запад архив Осипа Мандельштама. «Ворованный воздух» «Четвертой прозы», поздние стихи впервые увидят свет. Этот архив — сам перемещенное лицо.

Степан Татищев

Как это было? В 1971 г. Наталья Ивановна познакомила Степана с Надеждой Яковлевной Мандельштам. Он стал регулярно бывать у нее, пользовался ее доверием, и в 1972 или в 1973 году она передала ему сохранившиеся архивы О. Мандельштама с просьбой перевезти их на Запад и обеспечить сохранность.

Когда в июле его жена с детьми в очередной раз собрались в отпуск во Францию, Степан вручил ей большой пакет и предупредил, что с ним нужно обращаться как с настоящим сокровищем. «Это Мандельштам, - сказал он, - его архив». Этот архив сразу по приезду был передан Никите Струве.

Татищев окончил свой срок атташе, когда Солженицын уже был на Западе.

Ив Аман

Но следующий после него французский культурный атташе в Москве, Ив Аман тоже очень помог, он был главным звеном той цепи, что осуществляла всю помощь Русского Общественного Фонда в СССР, занимающийся помощью заключенным и их семьям. Следующая за ним была Ева, потом Алик Гинзбург. На них и держалась вся это очень опасная работа.

Какие - то деньги Фонда хранились и у нас.

По возвращении в Париж Татищев оказался полезен еще больше прежнего: через других сотрудников французского посольства он сохранил

прямые связи с Евой, и 1975 год она продолжала досылать на Запад большие объемы еще оставшегося архива Солженицына.

Н.И. Столярова и А.А. Угримов

В одну из встреч в начале 1966 г. Ева познакомила Солженицына со своим близким другом Александром Александровичем Угримовым с намерением, что и он будет ему помогать.

Он сразу же очень понравился Солженицыну. Понравился его тонкий аналитический ум, пронизательная осторожность. Чем же А.А. может помочь? Он предложил то, что после провала архива было ценней всего: хранение материалов Солженицына, за которым начинает следить КГБ. Хранение многих объемов в нескольких местах, по железной системе, не у него самого, а у так называемых «Кротов», которых по его условию Солженицын не будет вовсе знать. И, действительно, провалов с хранением у него не было. Хранение все увеличивалось. Он ввел систему «Почтовые марки», чтобы легко находить хранимые документы. Для этого на каждую единицу хранения покупались две одинаковые марки. Одну клеили на документ, а другую вкладывали в кляссер с закодированным адресом хранения. Найдя марку легко найти документ.

А.А. сам предложил, как закодировано его называть: «Данила кучер», поскольку у него была машина. Так и привилось: Данила.

Отец А.А., был помещик, профессор агрономии, а в 1917 г. короткое время – директор департамента земледелия. В 1922 г. вся семья их с отцом была выслана за границу. Во вторую мировую войну активно участвовал во французском Сопротивлении. Он вступил в «Союз советских граждан» и вместе со всеми был выслан из Франции в конце 1947 г. А на родине вскоре был арестован и он, и жена, и сестра жены, и теща. Он был послан в Воркуту. И все это пережив, он все-таки не жалел, что вернулся на родину. Правда, говорил: «Россией больше не восхищаюсь, русский народ больше жалею, чем люблю».

А.И. Солженицын, Н.И. Столярова и А.А. Угримов

Н.И. Столярова и Н.Д. Солженицына

Когда Наталью Дмитриевну Солженицыну спросили, как она встретила Солженицыным, она ответила: «Нас познакомила Наталья Ивановна Столярова, бывшая зэчка, наш общий близкий друг. Ей казалось, что Солженицын просто изнемогает: объем работы огромный, в частности, конспиративный, хранить вещи, которые он написал. А помощников мало, и они тоже перегружены. Наталья Ивановна считала, что я буду полезной Александру Исаевичу».

Замечательная женщина. Она умерла 25 лет назад, но я и по сей день с ней сверяюсь: что бы она подумала или сказала в той или иной ситуации.

Н.Д. Солженицына

Как это было? Летом 1968 года, когда наши танки вошли в Чехословакию, Ева настаивала, чтобы Солженицын увеличил число своих помощников. «Вы тратите силы, где могли бы не тратить. У вас не хватает молодых энергичных помощников. Давайте я вас познакомлю». Он согласился. Ева назначила встречу прямо на квартире Светловых за два часа до его встречи с Сахаровым.

Это было через неделю после оккупации Чехословакии и через три дня после демонстрации семерых на Красной площади. И теперь молодая женщина, крайне естественная в одежде и в манере держаться, рассказывала ему, как демонстрация прошла и даже как готовилась. Откуда же знала она? Оказалось, двое участников ее друзья.

Ее общественная горячность очень понравилась Солженицыну, и он ей предложил печатать очередную работу. Наташа взялась охотно, хотя кончила математическую аспирантуру, и свободного времени было у нее два вечерних часа, когда шестилетний сын уже ляжет спать. Но напечатала большую работу за четыре месяца без опечаток и с большим вкусом расположения материала.

А если хранение? Да, конечно берется устроить. И многое она делала хорошо, в частности тонкая способность к редакторству. И на встречу четвертую – пятую стала она второй женой Солженицына, через два года у них родился первый сын. А поскольку у каждого был псевдоним, у Наташи был псевдоним «Аля».

Аля привлекла к работе многих людей с кафедры и не только, например, Надежду Васильевну Бухарину, которая часто забегала помочь, посидеть с детьми, но всегда с какой – нибудь большой сумкой.

Ева и Аля были очень дружны, несмотря на большую разницу в возрасте.

Солженицын и Аля вместе прожили около 40 лет, у них трое сыновей, не считая первого, Наталья Дмитриевна помогала Солженицыну во всех работах, существенно разгрузив его.

Н.И. Столярова и Н.В. Кинд

В 1956 г. доктор геологии Наталья Владимировна Кинд, открывшая алмазную «Трубку мира», подружилась с Натальей Ивановной Столяровой.

Родители Кинд и Рожанского (мужа Кинд) были профессорами Петербургского политехнического института. В академическом пос. «Лесное» завязалась их дружба с крупными учеными А. Иоффе, А. Александровым, С. Вавиловым, Н. Семеновым, И. Виноградовым. Своей подруге Наталья Владимировна как-то сказала «Среди моих друзей, оказывается, девять лауреатов Нобелевской премии».

Наталья Владимировна Кинд (в молодости)

Душевный и жизненный опыт старшей подруги, ее эрудиция, человеческие связи, трагическая судьба, влияли на формирование интересов и настроений Натальи Владимировны, всё более вовлекая ее в дела русских диссидентов. «Ее псевдоним - Царевна». Позже, когда в Москве на отчисления от изданий «Архипелага», при энергичном участии Столяровой, был создан Фонд помощи политзаключенным, основанный в начале 1970-х годов, Кинд тоже участвовала в его работе.

Участие Столяровой было настолько активным, что в советской печати ее называли в числе наиболее заметных "агентов" фонда. В советских условиях передача литературы, денег, писем была подпольной, нелегальной и, конечно, опасной работой. Кинд тоже стала его постоянным и надежным негласным работником. До самой смерти Столяровой две Натальи были неразлучны. Их появление, немолодых, но элегантных, блестящих, красивых, смелых, остроумных, всюду вносило громадный заряд энергии.

Эльфрида Филиппи

Эльфрида Филиппи

С осени 1974 г. в культурном отделе французского посольства появилась корсиканка Эльфрида Филиппи.

Ева так ее описывает: «красивая, стройная, когда любит – обаятельная, когда не жалуется – ледяная».

Мы подружились с первого взгляда, в чем-то синхронны, без слов. Она проносила в опасных местах, обезоруживая улыбкой и грацией.

Гениально быстра: топтун не успеет и рта открыть – а уже все сделано». Когда ездила во Францию, она провозила большие пакеты с документами.

Отклики Солженицыных на смерть Н.И. Столяровой

Солженицын написал «В конце августа 1984 г. скончалась бесценная Ева – Н.И. Столярова. Друзья вовремя успели забрать из ее квартиры все, связанное с работой Фонда». С 1975 года до своего последнего дня она осуществляла конспиративные операции, на ней держался тайный почтовый канал «Вермонт - Москва».

«Смерть Евы значит слишком много для нас с Саней. Никого ближе нее у нас в России не осталось. Самая горькая и саднящая боль», - писала и Наталья Дмитриевна. 3-го сентября о. Андрей отслужил панихиду в домовомой церкви Вермонтского дома, собрав детей, Аля читала вслух главу из «Невидимок» о Столяровой и Угримове. 4-го ее хоронили в Москве. «Наверное, наши все собрались, - как там ни тяжело, но они вместе, а мы - одни».

4.3. О Поплавском

В 1960-1984-е годы Наталья Ивановна бывала во Франции. Встречалась с сестрой Екатериной Столяровой-Анзи и с родственниками и друзьями Бориса Поплавского. Сохранение памяти о поэте она считала одним из важнейших своих дел.

При жизни Поплавского была напечатана лишь одна поэтическая книга «Флаги».

После смерти Поплавского другу и душеприказчику поэта Н. Д. Татищеву удалось напечатать за границей другие его поэтические книги: «Снежный час» в 1936 г., включающий «Над солнечную музыку воды», посвященный Столяровой, «В венке из воска» в 1938 г., «Дирижабль неизвестного направления» в 1965 г., а также удалось напечатать три отрывка из его второго романа, «Домой с небес», законченного незадолго до смерти.

Борис Поплавский вел дневник, после его смерти сохраненный близко его знавшим Николаем Татищевым. Сын Николая, Борис Татищев, издал книгу «Перехваченные письма», где очень много выдержек из дневника и писем Поплавского.

Новый интерес к творчеству Бориса Поплавского возникает после окончания второй мировой войны в США, где в нью-йоркском журнале «Опыты», выходившем под редакцией Ю. П. Иваска в 1953 —1956 годах, Н. Д. Татищев поместил еще несколько глав из «Аполлона Безобразова» (№ 1, 5, 6). Но полное издание романа осуществить не удалось и тогда, в 50-е годы.

В поисках неопубликованных стихотворений Н.И. Столярова работала с его архивом, находящимся в пригороде Парижа. Наталья Ивановна привезла материалы Поплавского, опубликованные в зарубежной печати, а также неопубликованные, полученные у его друзей.

После публикации за границей в «Русской мысли» отрывков из романа Поплавского «Домой с небес» Н. И. Столярова откликнулась письмом, как отмечала редакция, «поясняющим и комментирующим» его содержание.

«В далеком 1932 году в прелестном и диком в ту пору местечке Фавьер летом жили почти исключительно русские. На высоком выступе над морем стояла дача «Лу Бастидун», еще чудом и по сей день сохранившаяся в неизвестном через полвека Фавьере. В этом доме (как и теперь) летом жили русские. В нем и вокруг него сталкивались и сплетались судьбы многих. Никто из этих людей не готовился к ожидавшим их испытаниям. Даже Олег, главный герой рассказа (он же и автор), который в другое время остро ощущал и предвидел войну и бедствия, с ней связанные, в это лето просто забыл о ней, упиваясь природой, молодостью, любовью, жизнью, которая «била ему в лицо». Он не знал, что смерть уже подстерегает его. Человек, решивший уйти из жизни, но которому будет «страшно уйти одному», через три года обманом

уведет его. Смерть настигнет его в полном расцвете сил и противоречивых, но высоких помыслов и обещаний.

Не знала и девушка Таня, которой он был увлечен, что вольной молодости ей осталось всего пять лет. Не ожидала она, что странствие в родную страну, к которому она готовилась, откроет ей не только страшное дно жизни, но и высоту, доселе ей незнакомую. Не знала она и самого главного – что чувство, охватившее не только Олега, но и ее, на всю жизнь так и останется высшей точкой отпущенного на ее долю счастья.

Красивая Надя никак не могла ожидать, что десять лет спустя примет самое непосредственное участие в Соппротивлении, защищая милую Францию. Неприиспособленная и неопытная, она проявит отвагу и мужество, будет ранена и с гордым смирением примет удел инвалида войны.

Невдомек было и слабосердечной экономке, что ей предстоит во время войны носить желтую звезду и трагически гордиться своей причастностью к «проклятому племени». Предупрежденная Надей о предстоящем налете гестапо на дом, где она была гувернанткой у двух девочек, она не бросит их. Когда раздастся грозный стук, она отведет девочек, спасая им жизнь, по черной лестнице к соседям, а сама вместе со старой хозяйкой встретится лицом к лицу с депортацией и гибелью.

«Грозный бородач», перед которым мучительно робел Олег, (в жизни крупный ученый, а не «деловой мужик»), не подозревал, что в момент наступления немцев на Париж, он уже будет в черном списке гестапо, и Академия наук предложит ему немедленно эвакуироваться. Новая (третья) родина, США, окажется для него мачехой, и талантливый изобретатель умрет в бедности и одиночестве.

Вот так оно было. Жизнь – любовь, ностальгия, смерть, война и потери, потери, потери – разбросали их всех в разные стороны. Но у тех, кто остался, не может не дрогнуть сердце при чтении этих напряженных солнечных страниц».

Здесь Олег – Б. Поплавский. Таня – Наталья Ивановна. Надя – ее сестра Катя. Грозный бородач – Шиловский. Интересно, что письмо появилось без подписи. Повидимому, подписывать его было опасно. Публиковать Б. Поплавского было еще нельзя.

Когда Столярова привезла материалы Поплавского, подготовить их для печати взялся Александр Богословский. Это был московский архивист и филолог, случайно обнаруживший стихи Бориса Поплавского в эмигрантской

периодике, которую он разбирал в спецхране Ленинской библиотеки. После этого он стал по крупицам собирать сведения о личности и творчестве любимого поэта.

Благодаря самоотверженному труду Александра Богословского, уже в семидесятые годы заинтересовавшегося творчеством поэта, материалы, привезенные Н.С. Столяровой и архив, были тщательно разобраны и впоследствии стал основой уникальной книги: Поплавский Б. Неизданное: Дневники. Стихи. Письма (М, 1996). Вошли в этот сборник и бесценные воспоминания самой Столяровой о Поплавском. В публикации этой книги принимала участие профессор, Елена Пашутинская (Элен Менегальдо), живущая во Франции. Но опубликовать эту книгу удалось нескоро.

За свою любовь к эмигрантской литературе и к Поплавскому, в частности, А. Богословский заплатил дорогую цену: в 1984 году он был приговорен Мосгорсудом (по статье 190-1 УК РСФСР: распространение клеветнических измышлений, порочащих советский строй) к трем годам лагерей строгого режима.

В начале 80-х годов КГБ устраивало обыски, было опасно держать эти материалы дома. Наталия Ивановна настояла, чтобы один экземпляр материала хранился еще в каком-нибудь месте.

Составленная Богословским библиографическая картотека, изъятая при обыске, по приговору суда была уничтожена «как не имеющая ценности». А ксерокопию романа «Аполлон Безобразов», полученную им от Натальи Столяровой, и другие материалы, А. Богословский успел до ареста передать друзьям.

Когда Богословского арестовали и забрали все, что он наработал, находящееся дома, он, отсидев три года, нашел спасенный материал и подготовил дневники к печати.

После освобождения из лагеря А. Богословский подготовил к печати также полный текст романа Поплавского, который и был опубликован в 1992 году в «Новом Журнале».

Книга «Литературные портреты. Эссе, Воспоминания, Размышления», посвященная Н.И. Столяровой, вышла только в 1993 году, после ее смерти. В большинстве воспоминаний о Поплавском есть упоминание о Наташе.

В 1992 году в № 187 нью-йоркского «Нового журнала» была начата публикация полного текста романа, подготовленная к изданию А. Богословским по рукописи, принадлежавшей Н. И. Столяровой.

Еще позже были опубликованы дневники Поплавского.

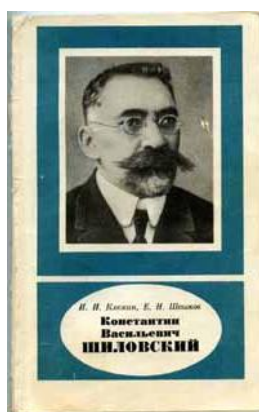
И наконец в 1999 – 2000 годах в Санкт-Петербурге выходит тщательно подготовленная французским славистом Луи Алленом книга: полный текст двух романов впервые издан в России и из России приходит на Запад к русской диаспоре.

У Натальи Ивановны получился большой архив Поплавского, который был потерян после ее смерти.

Таким образом, Н.И. Столяровой не удалось опубликовать при жизни материалы Б. Павловского, но она сделала очень много, чтобы, когда это стало возможным, все его наследие оказалось опубликованным.

4.4. Книга о Шиловском

Наталья Ивановна считала своим долгом способствовать написанию книги о Константине Васильевиче Шиловском, своем втором отце, который был видным ученым и изобретателем. Он трудился за границей, до революции был меньшевиком, сделал целый ряд изобретений, в том числе гидролокатор. В Советском Союзе никто не знал об этих изобретениях, даже изобретателем гидролокатора считался Ланжевен, хотя первый патент был Шиловского, а потом они работали вместе и все результаты были общие.

Н.И. Столярова во время поездки в Швейцарию к сестре Кате взяла там спасенные Катей патенты Шиловского и привезла в Советский Союз. Здесь она привлекла к работе видных специалистов в области отечественной гидроакустики и стала их консультировать. Специалисты Ключкин и Шишков написали по этим материалам книгу.

Франсис Перрен.

Книга Шиловского

Перрен писал: «Мой отец, Жан Перрен, лауреат Нобелевской премии по физике за 1926 г., большой друг Ланжевена, со своей стороны работал над обнаружением подводных судов в море путем прослушивания звуковых

сигналов, издаваемых моторами и винтами. Так он познакомился с К. Шиловским, который совершенно пленил его высотой своих умственных и душевных качеств.

По возрасту, Шиловский принадлежал к поколению, среднему между моим отцом и мною. Таким образом, он стал другом моего отца, а затем и моим, разница в возрасте со временем стерлась. В течение нашей долгой дружбы мне довелось близко узнать этого замечательного человека, сила интеллекта которого была совершенно поразительной. Опираясь на широчайшее знание физики, Шиловский открывал все новые и новые сферы ее приложения.

Увенчавшееся блестящим успехом сотрудничество с Полем Ланжевенном побудило его впоследствии вступить в контакт с рядом других ученых и инженеров. Вот почему в 1926 г. он предложил мне помочь ему реализовать изобретение, позволяющее отличить натуральный жемчуг от искусственного японского. Наше сотрудничество привело к созданию относительно простого оптического прибора. Он позволял быстро и точно распознать натуральный жемчуг, состоящий из сферических слоев перламутра до самой его середины, и жемчуг искусственный, в котором лишь небольшой слой сферических наслоений окружал шарик обыкновенного перламутра с плоскими кристаллическими пластинами. Прибыль за продажу этого патента мы с Шиловским разделили пополам.

Мне удалось обсуждать с ним несколько проектов, всегда очень оригинальных.

В начале 1939 г. благодаря открытию расщепления ядра урана нейтронами перед физиками разных стран возникла перспектива освобождения внутриядерной энергии. Шиловский со страстью отдался этой теме. Я в ту пору работал в группе Фредерика Жолио-Кюри, который открыл принцип действия ядерных реакторов. Шиловский понял, что было бы очень выгодно использовать в качестве теплоносителя жидкий металл, в частности, жидкий натрий. Шиловский подал документы на патентование, но этот патент, как и ряд других французских патентов, не стал источником гонораров, потому что его промышленное использование стало реальным только в 70 годы, когда спустя 25 лет срок авторского права уже истек.

Шиловский, прибыв в США во время войны, предложил ряд своих изобретений властям Вашингтона, в частности очень остроумный метод устройства телеуправляемой бомбы, существенно увеличивший точность попаданий. Однако, американские власти, строго соблюдая секретность, отказались привлекать Шиловского к сотрудничеству в реализации его

изобретений, и даже платить ему за использование патентов, т.к. он оставался русском эмигрантом.

В результате его материальное положение стало очень затруднительным.

Один бизнесмен русского происхождения, получивший французское подданство, но потом осевший в США – Борис Прегель, купил у Шиловского некоторые патенты, в частности тот, что относится к использованию жидкого натрия для извлечения тепла из будущих ядерных реакторов».

Шиловский окончил Страсбургский университет, и уже учась в нем, подал две заявки на изобретения («Подшипник с кольцевой смазкой» и «Копировальный пресс»).

В 1913 г. он подает заявку на патент в Германии «Метод и устройство для определения местоположения подземных залежей руды». Много лет спустя о судьбе этого патента он рассказал в письме от 6 декабря 1948 г. другой своей приемной дочери Е.И. Столяровой – Анци.

«Недавно и совершенно случайно я встретился у моего адвоката с одним крупным предпринимателем из Канады, который, узнав мое имя, рассказал мне обо мне самом и об одном моем изобретении замечательную историю.

Оказалось, что в 1920 году мой немецкий патент был мне выдан и был опубликован для всеобщего сведения и стал общим достоянием во всех странах, кроме Германии, т.к. я его нигде, кроме Германии не заявлял. Канадец тут же показал мне копию выданного в 1920 г. в Германии этого патента на мое имя, и сообщил мне, что этот патент оказался блестящим изобретением, открывшим новый метод для нахождения подземных руд. За этим методом сохранено мое имя, и он описывается в специальных учебниках.

Он сообщил также, что мой метод вскоре после опубликования был применен в Швеции и что с помощью его были локализованы и открыты под землей крупные залежи руды, и в том числе залежи золотой руды. Крупное общество занялось тотчас же эксплуатацией этих месторождений. И теперь, там, где раньше были только пустыня и болота, возник город, которому было дано название Болиден. Вот уже более 20 лет, как крупное общество, открывшее и эксплуатирующее рудники, зарабатывает на них каждый год миллион долларов (в ценах 20-х – 40-х годов)».

В августе 1914 года началась первая мировая война.

Франция и Англия несли большие потери от немецких подводных лодок, которые торпедировали французские и английские корабли. В момент объявления войны К.В.Шиловский жил в Швейцарии. Он уведомил французское

правительство, что располагает несколькими изобретениями, которые могут иметь большое значение во время войны. В декабре 1914 года он представил правительству Франции свою записку «О возможности виденья под водой».

Записка, разработанная Шиловским, была направлена в комиссию по изобретениям, возглавляемую членом Академии наук ученым – математиком Полем Пенлеве. На основании его отзыва, доклада и отзывах ученых, Жана Перрена, Поля Ланжевена и других, французское правительство в лице Морского министерства постановило предоставить Шиловскому средства, необходимые для осуществления намеченных им планов. Работы Шиловский проводил в сотрудничестве с профессором П. Ланжевром и при содействии Морского министерства.

После лабораторной наладки макета разработчики перенесли свои исследования на р. Сену. Приемник был установлен на правом берегу, а передатчики на левом берегу. Воспринимаемые через воду сигналы сразу оказались вполне четкими. В январе 1916 г. министр просвещения и изобретений П. Пенлеве посетил лабораторию и дал указание продолжать исследования на Средиземном море в г. Тулон. В результате Шиловский и Ланжевен вскоре добились осуществления прямой направленной подводной связи на расстоянии 2 км.

В течение ряда лет Шиловский и Ланжевен и один Шиловский разработали большое количество изобретений по применению гидролокации для разных целей, в частности изобретения абсолютного гидролокационного лага для измерения скорости корабля. С 1924 по 1929 г. Шиловский получил 7 патентов в 6 странах на «Абсолютный лаг», получил 17 патентов, посвященных способу измерения и контроля скорости корабля, группу из 16 патентов, посвященных улучшению качества стрельбы.

Шиловский был также автором следующих патентов: «Способ и устройство для воспроизведения звука и голоса», «Способ и устройство расщепления и газификации тяжелых масел для двигателей», «Способ и устройство для реализации телевидения», и многих других.

Всего во Франции он сделал более 70 изобретений, большинство из которых было реализовано.

В 1940 году, когда гитлеровцы подходили к Парижу, Шиловский покинул Париж и уехал во французскую зону Марокко. Почти через 5 месяцев он прибывает в США. Там он передал правительству США техническую документацию по дирижабельным бомбам и торпедам, разработанную им во Франции в первые годы войны.

В декабре 1942 г. была дана оценка деятельности некоторых французских ученых, находящихся в Америке: «Основной вклад К.В. Шиловского заключается в том, что он предложил свои услуги для разработки способа обнаружения подводных лодок с помощью ультразвука. М-р Шиловский, несомненно, один из самых выдающихся изобретателей, которые работали во Франции. М-р Шиловский за свои заслуги перед Францией был награжден орденом Почетного легиона. Среди других изобретений м-р Шиловский разработал в сотрудничестве с профессором Ф.Переном и м-ром Р. Алканом:

1. Новый способ бомбардировки с помощью скользящих над поверхностью земли бомб и торпед.
2. Автоматическое управление с помощью самолета дирижабельными воздушными средствами бомбардирования, такими как торпеды или бомбы».

В последние годы жизни Шиловский посвятил себя решению следующих проблем:

1. Способ и устройство для получения искусственного пьезоэлектрического материала.
2. Способ и устройство для преобразования тепла в переменный ток.
3. Новый способ реактивного движения.

Таким образом, Шиловский сделал много изобретений в самых разных областях физики, причем эти изобретения часто были основополагающими».

Фамилия Шиловского была широко известна как иностранным ученым, со многими из которых Шиловский работал, так и русским ученым, таким как Л.И.Мандельштам, Н.Д. Папалекси, С.Г. Струмилин и другие.

Но не было публикаций в советской печати о нем и о его изобретениях.

Наталия Ивановна обладала большими организаторскими способностями.

Когда она привезла из Франции материалы о Шиловском, как было отмечено выше, никто о нем не знал и материалы на французском языке не читал. В Академии Наук с интересом отнеслись к ее докладу, но не знали, как приступить к этой теме. Но она заинтересовала двух специалистов по гидроакустике, привлекла их к работе, а они нашли возможность привлечь переводчиков с французского языка, которые перевели патенты. Кроме того, они нашли людей, которые по царским архивам описали революционную деятельность Шиловского. А воспоминания о своем детстве она написала сама.

Специалисты по гидроакустике были очень благодарны Н.И. Столяровой. Во введении книги авторы отмечают:

«В 1980 г. член Союза писателей СССР Наталия Ивановна Столярова, приемная дочь К.В. Шиловского, передала авторам сохранившуюся часть парижского архива своего отца. В нем насчитывалось более 230 документов в основном на французском языке, относящихся к периоду 1914-1940 гг. Это справки об изобретениях Шиловского, деловая переписка с П. Ланжевром, адвокатами, французские, английские, японские, немецкие, итальянские патенты и деловые бумаги.

После выезда К.В. Шиловского в США его архив оставался в Париже. В годы оккупации города немцами младшая приемная дочь, Екатерина Ивановна Столярова – Анци сумела вывезти архив из квартиры отца и сохранить большую часть, несмотря на слежку за нею, как за участницей Сопротивления. Считая, что научный архив Шиловского должен принадлежать его Родине, Наталия Ивановна Столярова перевезла в Москву эти ценнейшие документы, по которым Советский читатель может теперь узнать о жизни автора гидролокатора - одного из изобретений века, и множества других изобретений».

На книге надпись, сделанная после смерти Наталии Ивановны:

«Глубокоуважаемой Наталии Ивановне Столяровой,
Без чьей помощи эта книга не увидела бы свет.
И. Клюкин, Е. Шошков.
Декабрь 84.»

4.5. Поездки за границу

Наталья Ивановна была интересным человеком. Круг ее знакомых был очень велик. Все удивлялись, почему она, отлично понимая пороки Советской жизни и много раз бывая за границей, не остается жить там.

Какое-то объяснение Наталья Столярова дает в письме 1977 года Александру Солженицыну.

«Дорогой А.И.! Ваша помощь помогла мне прожить на Западе год, почти ни от кого не завися. Год назад золотой осенний Париж вызвал чувство: ну вот, я в своем городе и никуда из него не уеду. Ан не получилось. Полная свобода, казалось бы, и «струя светлей лазури», и «и луч солнца золотой», а уж я ли не ценитель! – А в сердце живая рана – клубок из любви и ненависти к великой,

страшной, замордованной, растоптанной, бессмертной, «желанной», «долгожданной»...

Казалось бы, гнет и страх испепелили даже само понятие свободы и достоинства, но тот же неумолимый пресс над духом неожиданно удесятирил потребность в свободе и достоинстве. Не так лагерь, как русская «воля» научила меня ценить, как ничто на свете, свободу, которой мы так страстно добиваемся. И ради этой страсти, этой напряженной жизни, в которую мы – «акробаты поневоле» - тщимся вместить свободу и достоинство, ради этого я, собственно, и возвращаюсь.

Да, мне лучше жить там, прислушиваясь к ночным шагам по лестнице, судорожно унося утром все взрывное после долгого ночного звонка в дверь (потом выяснилось – ошибка «скорой помощи»), жить, непрерывно обманывая «всевидящее око» (и ухо)»...

Я думаю, что так ей было интересно жить, она была всем интересна, приезжая во Францию и Швейцарию из Советского Союза и в Советский Союз из Франции и Швейцарии, куда в то время ездили очень немногие.

Многие поездки были, в том числе, нужны для того, чтобы получить (с большим трудом) книги Поплавского, изданные много лет назад и превратившиеся в библиографическую редкость. Или получить его рукописные материалы.

Не нужно забывать, что она привезла в СССР много материалов Шиловского, спасенных младшей сестрой.

И вот Елена Пашутинская (Менегальдо) в мае 1975 г. пишет Николаю Татищеву. «Дорогой Николай Дмитриевич! В Советском Союзе теперь все переписывают стихи Поплавского, и недавно один московский интеллигент обратился к французским друзьям с просьбой, чтобы они ему послали фотографии могилы Поплавского».

За границей Наталья Ивановна была 5-6 раз по полугоду или больше. Естественно, она получала разрешение на поездку в Швейцарию к сестре и во Францию, которое ей давали на гораздо меньшее время, но ей удавалось продлевать разрешение в советском посольстве, это было легче, а также получать разрешение поехать в другие страны. Так, она ездила в Англию, в Италию, везде у нее были хорошие знакомые, ездила в США – в Вермонт к Солженицыну. Он вспоминает, что сразу после того, как Наташа ушла от него,

пришел к нему сын Столыпина, чуть-чуть не встретив дочь женщины, покушавшейся на убийство его отца.

А в Израиль Н.И. съездить не решилась, хотя приглашал посол Израиля во Франции. Она была уверена, что встретит там много знакомых и об этом немедленно станет известно КГБ.

4.6. Последующие годы

Наталья Ивановна была переводчицей, перевела много книг с Французского, несколько художественных книг, переведенных ею, есть у нас. Это «Молчание моря» Веркора, «Последние четверть часа» Андре Стиля, «Семья Эглетьер» Анри Труайя, «Об искусстве» Шарля Бодлера, «Неизвестные в доме» Жоржа Сименона и другие.

Как переводчица, она была членом Союза писателей, всех знала и все знали ее.

Однажды она ехала в одном вагоне поезда с Ростроповичем, когда он был еще советским гражданином. Он много концертировал за границей и приносил государству огромные деньги: доход от каждого его концерта был такой же, как от спектакля Большого театра, но там нужно было платить большому коллективу, а тут только ему одному. Она спросила, не обидно ли ему, что государство его беззастенчиво грабит, и он ответил, что знает это, но ему достаточно денег.

Галич, Вишневская, Растропович, Бродский,

А уехал он позже, когда какой-то чиновник, оформляя ему очередную поездку, стал строить из себя большого начальника. Этот чиновник сказал, что ему он оформит, а его жене, Галине Вишневской, за границей делать абсолютно нечего. Ростропович обиделся и остался на Западе. К тому же власти были недовольны тем, что на его даче жил в то время Солженицын.

У нее было много друзей, как у нас, так и за границей. Далеко не всех из них мы знали. Она ездила к сестре, подруги из Франции и Швейцарии с ней неоднократно ездили в Италию.

Наталья Ивановна с французской подругой

Швейцарская подруга

В Венеции на гондоле

Андрей Синявский, Наталья Столярова и Николай Татищев

Николай Татищев был другом Поплавского, по его материалам Анатолий Вишневский выпустил книгу «Перехваченные письма». Андрей Синявский также был хорошим знакомым, как Татищева, так и Столяровой. Дружила она и с двумя сыновьями Николая Татищева Степаном и Борисом.

Наум Коржавин

Наталья Ивановна с писателем Виктором Некрасовым

Виктор Некрасов (писатель, написавший одну из лучших книг о войне «Окопы Сталинграда»), был выслан из СССР.

Она хорошо знала семью писателя Леонида Андреева, ей помогли провезти на Запад материалы Солженицына сын Андреева, Вадим Леонидович, и внук Александр Вадимович.

А дочь Вадима Андреева - Ольга Андреева – Карлайл очень сильно затянула с переводом книги «Архипелаг- Гулаг», этим был сильно недоволен Солженицын. В результате, Наталья Ивановна приняла сторону Солженицына.

Среди наиболее близких к Наталье Ивановне были: Наталья Владимировна Кинд, доктор геологии, участвовавшая в открытии в Якутии «Трубки мира», одной из самых производительных алмазных трубок в мире, (сейчас там город «Мирный»), и Александр Александрович. Они очень дружили втроем, их называли «три картовых», поскольку все трое сильно грассировали.

Наталья Столярова

Наташин друг писатель Угримов

Н.В.Кинд

Наталья Ивановна с Натальей Владимировной Кинд

Они трое помогали Солженицыну до его высылки, потом они помогали переслать архив, оставшийся в СССР, потом они активно работали в Фонде, который образовался из отчислений от публикаций «Архипелага Гулага».

Они втроем любили отдыхать в Коктебеле, Наталья Ивановна снимала комнаты у одной и той же хозяйки вблизи от дома писателей (Дома Волошина).

К этой же хозяйки приезжали и Александр Александрович и Наталья Владимировна. Иногда приезжала Пая, сестра, поддерживающая близкую дружбу с Натальей Ивановной.

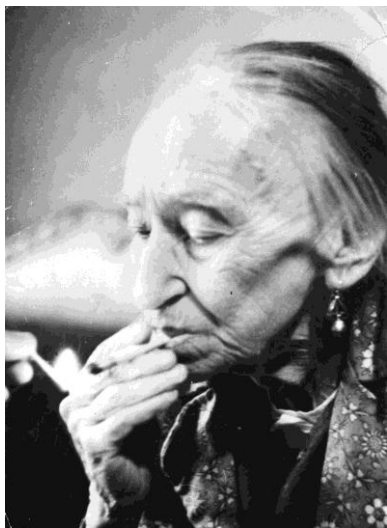
Когда умер Шиловский, он оставил своим дочерям небольшие деньги. Кате их хватило на операцию, а Наташе на покупку автомобиля «Москвич» во Франции. На таможне за право ввоза заставили заплатить больше, чем она стоила при покупке.

Наталья Ивановна в 60 с чем-то лет научилась на ней ездить. С ремонтом машины помогал ее двоюродный брат Олег.

Через несколько лет ей, видимо в Союзе писателей, дали возможность купить «Жигули». Она продала Москвича и купила Жигули. Ее заграничные друзья никак не могли понять, как можно продать старую машину, на вырученные деньги купить новую, лучшую, и чтобы при этом остались деньги.

КГБ за ней следил, она общалась, с кем хотела, никого не боялась. Она ухаживала за Надеждой Мандельштам, когда та сильно болела перед смертью.

Книга Надежды Мандельштам ходила в самиздате и была опубликована

только во время перестройки, в ней она подробно и без дипломатии описала, как вели себя многие известные люди, выставив их в очень неприглядном виде.

Когда умер от рака Степан Татищев. Наталья Столярова выражает сочувствие его жене Анн и передает слова Надежды Яковлевны: «Передайте ей, что я завидую, что ее муж прожил долгую и хорошую жизнь среди своих близких, что он умер на их руках и что жена будет знать то место, где он похоронен. Этого счастья мне не выпало».

Н.Я. Мандельштам

В последние годы Наталья Ивановна стала больше общаться с нами, она писала книгу воспоминаний и расспрашивала Нину Сергеевну об их общей семье и жизни в Рязани.

Наталья Ивановна умерла совершенно неожиданно, у нее была оформлена поездка в Болгарию и куплены билеты, перед поездкой она на короткое время легла в больницу подлечиться, но из больницы не вышла – причиной смерти стала поджелудочная железа, испорченная во время заключения в лагере.

На похоронах было очень много народу, сотни человек. У нее были разные компании, правозащитники, религиозные люди, писатели, бывшие зэки, она не

смешивала эти компании, но все они пришли на похороны. И, конечно, там были люди из КГБ, которых очень интересовал ее архив. Однако, архива они не нашли, вместе с ним пропали и ее мемуары. Несколько поминок были у Паи, там были, например, сын Бухарина и внук Куйбышева, многие друзья Натальи Ивановны после ее смерти стали друзьями Паи, например, Наталья Владимировна Кинд, и Ирина Эренбург (дочь Эренбурга) в течение десяти лет приходили к Пае на ее дни рождения.

Надпись на фотографии: «И я тоже была молодой.

И. Эренбург»

Воспоминания о Наташах, как о Наталье Сергеевне Климовой, так и о Наталье Ивановне Столяровой содержат немало загадок, что очень досадно, т.к. жизнь обеих была очень интересна и необычна.

Например, ничего не известно о путешествии Натальи Сергеевны по Сибири, по Монголии, по Китаю и по Японии в Европу во время побега из Новинской тюрьмы. А, между прочим, это одно из наиболее интересных ее путешествий. Неужели она нигде не описала его?

В 1940 году немецкие фашисты заняли Париж. Было очевидно, что немцам очень интересно посмотреть архив Шиловского, он был изобретателем и сделал целый ряд изобретений, которые немцам были неизвестны. Сам Шиловский был в списке гестапо, он срочно уехал в США.

Катя зашла в квартиру Шиловского, увидела его архив, он был огромным. Разбираться в нем было некогда, в любой момент могли прийти немцы. И тогда Катя сожгла весь архив, а в нем наверняка могли находиться описания Натулиных путешествий. Единственное, что она взяла с собой, был чемодан с материалами Шиловского и саквояж, на котором была наклейка «Харбин».

Когда Наташу Столярову арестовали, у нее по описи забрали много документов. Мод, готовясь к книге о Натале, по доверенности Кати, нашла это

опись, когда она спросила, где документы, ей в КГБ ответили: дело было в 37 году, сажали очень много людей, документы хранить было негде, и мы их уничтожили.

И, наконец, среди документов, пропавших после смерти Наташи, вполне могли оказаться какие-то дневники, может быть, они когда-нибудь будут доступны.

5. МОД И ГРИША

Мод Мабиллярд, швейцарская девушка, живущая в Лозанне, познакомилась с Катей, когда ее прислали социальные службы помочь инвалиду Кате, такая форма у них принята. Мод изучала Русский язык в университете. Но, в отличие от обычных случаев, Мод подружилась с Катей, ей были интересны Катины рассказы, она заинтересовалась русским языком, изучала его в университете, несколько раз приезжала в Москву на практику, здесь у нее образовалась компания друзей, одно время ей предлагали работу в Иркутске преподавателем французского языка, но не решилась. В последнее время заинтересовалась историей Катиной матери и сестры, написала несколько статей во французских журналах (по специальности она журналистка). Она собирала материал для книги. Один раз была в Москве в мае-июне 2001 года с подругой Фанни из Франции, что-то делающей в кино и не расстающейся с портативной видеокамерой.

Фанни и Мод

Мод с Фанни ездили в Рязань, нашли место, где был дом Климовых. Сквер рядом до сих пор в народе называют «Наташин сквер», это не официальное

название, но о Наташе Климовой мало кто знает. В краеведческом музее нашла человека, который тоже собирает сведения о Климовой, делает экспозицию, но материалов мало. Впрочем, он подарил Мод книжку «Тринадцать» о Климовой, этой книжки у Мод не было, а в ней есть фотографии из полицейского архива Климовой и нескольких ее подруг.

Кроме того, Мод встретила с Олегом, двоюродным братом Наталии Ивановны и моей Наташи, он обещал попытаться найти какие-нибудь материалы о Наталье Сергеевне, но во время следующего приезда Мод. В результате, Олег дал Мод копии писем Натули из тюрьмы.

В 2002 году мы с Наташей съездили в Швейцарию к Кате, по дороге заехав во Францию. В Женеве нас встретила Мод, которая в это время жила у Кати.

Мод показала нам Женеву, старый город, озеро и фонтан.

Наташа и Мод возле музея

Наташа и Мод у Женевского озера

Фонтан бьет из озера

Катя и Наташа и одна Катя
(примерно 70 лет
разницы в возрасте)

5 июня 2007 года, в
мой день рождения, к нам
пришла Мод и принесла в
подарок написанную и
изданную на французском

языке книжку о Натуле. Моя Наташа начала ее читать.

Потом начала переводить. Переводила почти год, в 2008 году был готов
файл этой книги.

Историей Натули заинтересовался Григорий Кан, историк по образованию.

Он ведет поиск материалов в архивах России и за рубежом.

Мы получили доступ к письмам Натули из тюрьмы. Поразительно, как Натуля смогла угадать в своих маленьких сестрах черты характера, которые будут у них всю жизнь.

Кроме того, он подарил нам вышедшую в России книгу стихов, а также книгу с двумя романами Бориса Поплавского.

Григорий Кан

Григорий Кан собирает материал о максималистах, в числе которых была Наташа Климова, в его планах также книга о Наталии Столяровой.

Так что эта история с двумя Наташами будет иметь продолжение.

6. ИСТОЧНИКИ.

1. Рассказы Нины Сергеевны.
2. Редкие рассказы Натальи Ивановны.
3. Кое-что рассказала Пая.
4. М Алданов. Самоубийство. Роман. Les Éditeurs Réunis, Paris .
5. М.А.Осоргин Свидетель истории. Роман. Москва, 1989.
6. М.А.Осоргин. Повесть о концах. В книге «Времена», изд. Екатеринбург, 1991.
7. И. Кычаков. Тринадцать. Москва, 1971.
8. И.И.Клюкин и Е.Н.Шошков. Константин Васильевич Шиловский. Ленинград, 1984.
9. А.Солженицын. Бодался теленок с дубом. Очерки литературной жизни. Москва, 1996.
10. Б. Поплавский. Флаги. 1931, Париж.
11. Б. Поплавский. Снежный час, 1938, Париж.
12. Б. Поплавский. Дирижабль неизвестного направления, 1965, Париж.
13. Б. Поплавский. Из дневников, 1938, Париж.
14. Б. Поплавский. Романы. Аполлон Безобразов и Домой с небес. 1993, Дюссельдорф, «Голубой всадник».
15. Б. Поплавский. В оценках и воспоминаниях современников. 1993, Дюссельдорф, «Голубой всадник».
16. Варлам Шаламов. Золотая медаль. После предисловия два письма Н. И Столяровой. Литературное наследие, 1966 г.
17. Е. Д. .Никитина. Наш побег «Каторга и ссылка. Кн.56»
18. Анатолий Вишневский Перехваченные письма. Москва, 2001 г.
19. Maud Mabillard La Fleure rouge. Natacha Klimova et les maximalistes russes. Les Éditions Noir sur Blanc, Lausanne, 2007.
20. Людмила Сараскина. Александр Солженицын. Москва, Молодая гвардия, 2008.